



SOOME-
UGRI
KIRJANDUS-
KOHVIK

ALNAŠI ÖÖBIKU LAUL

Songs of the Alnashi
nightingale

Песни Алнашского
соловья

Koostaja • Compiler • Редактор
Eva Toulouze • Ева Тулуз

Alnaši ööbiku laul

Songs of the Alnashi nightingale

Песни Алнашского соловья

Eesti Kirjandusmuuseum
Estonian Literary Museum
Эстонский литературный музей

Alnaši ööbiku laul

Udmurdi luuletaja Ašaltši Oki (1898-1967):
luuletused, tõlked ja laulud

Songs of the Alnashi nightingale

The Udmurt poetess Ashal'chi Oki (1898-1967):
Poems, translations and songs

Песни Алнашского соловья

Удмуртская поэтесса Ашальчи Оки (1898-1967):
стихотворения, переводы и песни

Koostaja • Compiler • Редактор
Eva Toulouze • Ева Тулуз

Tartu 2025
EKM Teaduskirjastus & Tartu Ülikool
ELM Scholarly Press & University of Tartu
Научное издательство ЭЛМ & Тартуский университет

Teksti autor(id) / Authorship of the texts / Автор(ы) текстов

Kõik tekstid on kirjutanud Eva Toulouze, v.a. 1. peatükk, mille kaasautor on Nikolai Anisimov

All the texts have been written by Eva Toulouze, except the 1st chapter's, which is co-authored by Nikolai Anisimov

Автор всех текстов – Ева Тулуз, кроме текста 1. главы, написано в со-авторстве с Николаем Анисимовым

Eesti keele toimetajad / The Estonian text's editors / Редакторы эстонского текста: Nikolai Kuznetsov, Madis Jürviste, Asta Niinemets / Николай Кузнецов, Мадис Юрviste, Аста Ниинеметс

Inglise keele toimetaja / The English text's editor / Редактор английского текста: Daniel Allen / Даниэль Аллен

Vene keele toimetaja / The Russian text's editor / Редактор русского текста: Sergei Troitski / Сергей Тройцкий

Küljendaja / Model Maker / Верстальщик: Diana Kahre / Диана Кахре

QR-koodid / QR codes / QR коды: Maris Kuperjanov / Марис Куперьянов

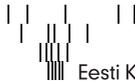
Veebikujundus / Web design / Дизайн сайта: Andrus Tins

Veebilehekülg / Website / Электронный сайт: <https://www.folklore.ee/ri/fo/tegevus/sukk/>

Projekti "Soome-ugri kirjanduskohvik (SUKK)" läbiviimist toetas Hõimurahvaste programm (HTM). / The project "Finno-Ugric Literature Café (SUKK)" was supported by the Ministry of Education and Research of the Republic of Estonia through the Kindred Peoples' Programme. / Проект "Финно-угорское литературное кафе (SUKK)" поддержан при Программы родственных народов Министерства образования и науки Эстонской Республики.

Raamatu valmimist on toetanud Eesti Teadusagentuur projekti PRG1584 "Soome-ugri rahvad Venemaal: etnilisuse ja religioossuse vastasmõjude analüüs" kaudu. / This volume is based on research supported by the Estonian Research Council (grant no. PRG1584). / Книга издана при поддержке Eesti Teadusagentuur (проект PRG1584 "Финно-угорские народы России: анализ взаимодействия этничности и религиозности").

Väljaande valmimine on seotud Eesti Kirjandusmuuseumi projektiga EKM 8-2/20/3. / The publication is supported by the research grant of the Estonian Literary Museum EKM 8-2/20/3. / Издание связано с проектом Эстонского литературного музея EKM 8-2/20/3.



Eesti Kirjandusmuuseum



ISSN: 2806-3694 (trükis / print / печатное издание)

ISBN: 978-9916-742-73-0 (trükis / print / печатное издание)

ISSN: 3059-5630 (veeb / online / электронное издание)

ISBN: 978-9916-742-74-7 (veeb / online / электронное издание)

© Eesti Kirjandusmuuseum / Estonian Literary Museum /
Эстонский литературный музей 2025

© autorid ja tõlkijad / authors and translators / авторы и переводчики



Eessõna



Selle raamatukese idee sündis ühe väga inspireeriva sündmuse ajal, mis toimus Eesti Kirjandusmuuseumis 2023. aasta juunis. Tegemist oli soome-ugri kirjanduskohviku järjekordse üritusega (<https://www.folklore.ee/ri/fo/tegevus/sukk/>), mis tol korral oli pühendatud ühele udmurdi luuletusele. Luuletuse autor on esimene udmurdi naisluuletaja Ašaltši Oki (1898–1973), ja selle tekst on tänaseni tuntud rahvalauluna.

Ašaltši Oki on väga armastatud nimi udmurtide pärandis. Tema luule on aktuaalne ka tänapäeval: erinevalt paljudest sama perioodi kirjanikest ei ole tema loomingus päevakajalisi muresid ega ideoloogilisi eesmärke. Ta kajastab naise ja üleüldse udmurdi inimese tundemaailma ning seetõttu ta luule ei kaota tähtsust.

Ašaltši Oki tõlgete lugemine kirjanduskohvikus innustas kohalolijaid tegema uusi tõlkeid, mis oluliselt rikastasid juba kogutud pärandit. Kirjanduskohviku selle ürituse omapära oli ka see, et luulega kaasnes ka laul. Udmurtide kultuuris on laul üks olulisi kommunikatsioonivahendeid, mis võimaldab edastada ja jagada emotsioone ja meeoleolusid pareminigi kui

sõna. Selle luuletuse teksti põhjal on loodud heliteoseid Udmurdimaal ja ka mujal. Muusikakeelde on seda tõlkinud nii lihtsad külanaised kui ka professionaalsed heliloojad. Ja nagu rahvaluulele omane, pole tekst alati täpselt sama, vaid esineb variatsioone.

See luuleteos, nagu edaspidi kommenteerin, on rahvaluulest inspireeritud ja sinna jõuab lõpuks ka tagasi. See on ühtaegu ise rahvalik ja samas rahvaloomingut inspireeriv. Kumb oli alguses, on raske määrata, kuid see dialoog on kaua aega olnud ja kestab.

Nõnda tekkis mul soov koguda luuletuse erinevaid variante ja panna need kokku. Kajastamaks Ašaltši Oki väikse, kuid märkimisväärse loomingu erinevaid tahke laiemalt, esitan raamatus ka mõned teised tema luuletused.

Raamat koosneb järgmistest osadest:

- I Ašaltši Oki elu ja looming
- II Ašaltši Oki tähtsus udmurdi kultuuris
- III “Maantee ääres”: kommentaar
- IV “Maantee ääres”: tõlked erinevatesse keeltesse
- V “Maantee ääres” rahvaluules ja lauludes
- VI Mõned teised luuletused ja nende tõlked
- VII Ašaltši Oki: mälestused

Tartus, 2024. aasta juunis

Eva Toulouze



Preface



The idea for this book emerged during a most inspiring event organised in June 2023 at the Estonian Literary Museum. It was an event in a series called Finno-Ugric literary café (<https://www.folklore.ee/ri/fo/tegevus/sukk/>) and it was dedicated to one Udmurt poem whose author was the first Udmurt poetess, Ashal'chi Oki (1898–1973), and which is even today a well-known folk song.

Ashal'chi Oki is a name very much loved in the Udmurt heritage. Her poetry is valid even today: unlike many other poets who lived at the same time, it does not reflect the social and political concerns of the day. She expresses timeless emotions of Udmurt women, and in general, of the Udmurt people, and thus, it is relevant even today. It talks to us.

Reading Ashal'chi Ok's translations inspired the international audience to offer new translations, enriching thus the corpus already gathered. Compared to others, this edition of the café was also original, because several songs on the poetess' verses were sung. They enrich this book. In Udmurt culture, singing is a fundamental means of communication and transmits even better than words mindsets and emotions. On this text,

music has been composed, in Udmurtia as well as in other parts of the world, and we want to transmit them also here. These are both folk tunes and composer's works: both simple villagers and professional composers have translated this text into notes. And musical texts, as folklore in general, may vary and they never are the same...

This text, as comments will show, comes from folklore and goes back to it. Its inspiration is folk poetry, and it has in turn inspired folk creation. The important is that this dialogue has lasted long, and it goes on.

Therefore, here we gathered different versions. I added to the first poem four other poems from the same author, in order to reflect other dimensions of her small but significant production.

The book is divided into seven chapters:

- I Ashal'chi Oki's life and poetry
- II Ashal'chi Oki's importance for Udmurt culture
- III "Nearby the road": Comment of the poem
- IV "Nearby the road": Translations into different languages
- V "Nearby the road" in folklore: Poems and songs
- VI Other poems by Ashal'chi Oki: Translations and songs
- VII Ashal'chi Oki: Memories

Tartu, June 2024

Eva Toulouze



Предисловие



Идея создать эту книгу возникла в течение очень вдохновляющего мероприятия в июне 2023 г. в Эстонском литературном музее. Мероприятие проходило в серии *Финно-угорское литературное кафе* (<https://www.folklore.ee/ri/fo/tegevus/sukk/>), и было посвящено одному удмуртскому стихотворению. Его автором была первая удмуртская поэтесса Ашальчи Оки (1898–1973), а само стихотворение сейчас считается общеизвестной народной песней.

Ашальчи Оки – очень важное имя для удмуртской культуры. Ее стихи еще актуальны. В отличие от многих поэтов того времени, она не отражает современные ей общественные и политические реалии, а передает вечные эмоции удмуртской женщины и вообще удмуртского народа, и поэтому ее голос звучит до сих пор.

Чтение разных переводов стихотворения Ашальчи Оки вдохновило участников из разных стран, и некоторые из них предложили новые переводы, обогащая таким образом уже существующий

корпус. Это мероприятие отличалось от простых чтений еще и тем, что в нем пели песни на слова поэтессы. В удмуртской культуре пение является главным способом коммуникации, даже лучше, чем разговорное слово в передаче эмоций и настроений. Это стихотворение в Удмуртии и не только было положено на музыку как профессиональными композиторами, так и простыми людьми, чьи имена не сохранились, но которые дали песне новое существование, в виде фольклорного произведения с присущими ему вариациями. Песни тоже будут опубликованы в книге.

Этот текст, как будет видно в комментариях, родился в фольклоре и туда же вернулся. Вдохновленный народной поэзией, он в свою очередь, вдохновил на творчество людей из народа. Главное, диалог начался давно и продолжается до сих пор.

Я собрала здесь разные варианты, к уже упомянутому стихотворению я добавила еще четыре других той же поэтессы, чтобы показать другие аспекты ее малочисленного, но значительного наследия.

Книга состоит из семи глав:

I Жизнь и творчество Ашальчи Оки

II Значение Ашальчи Оки для удмуртской культуры

III “У дороги”: комментарии к стихотворению

IV “У дороги”: переводы на разные языки

V “У дороги” в фольклоре: стихи и песни

VI Другие стихотворения Ашальчи Оки: переводы и песни

VII Ашальчи Оки: воспоминания

В Тарту, июнь 2024

Ева Тулуз

I

Ašaltši Oki elu ja looming

Akilina Vekšina sündis 4. (16.) aprillil 1898 talupoja perekonnas Vjatka kubermangu Jelabuga maakonna Grahhovski valla Kuzebajevo külas (praegu Grahhovi rajoon Udmurtias). Ta õppis Karlõgani koolis (1914) ja seejärel õpetajate seminaris, kus omandas 16aastasena õpetaja kutse. Akilina õpetas viis aastat lapsi udmurdi külades lugema ja kirjutama. Tol ajal oligi see noore haritlase kõige loomulikum tee. 1919. aastal jätkas ta õpinguid, esialgu Kaasani ülikooli ettevalmistusosakonnas (1921) ja hiljem sama ülikooli meditsiiniteaduskonnas (1927), kust sai silmaarsti diplomi.

Akilina loometee algas 1918. aastal pseudonüümi Ašaltši Oki all (*ašaltši* – harilik lõhnhein; Oki on Akilina nime udmurdi vaste) luuletuste avaldamisega udmurdi ajalehtedes *Виль синь* (Uus Vaade) ja *Гудыри* (Kõu), mis olid tekkinud juba Esimese maailmasõja ajal. Ašaltši ise ei püüdnud oma luuletusi kogumikuks koondada – ta õppis sel ajal Kaasani meditsiini, sest tundis oma kutsumusena aidata oma rahvast, keda vaevasid laialt levinud silmahaigused. Tema luule avaldamise initsiatiiv kuulus teisele sama perioodi suurkujule Kuzebai Gerdile. Gerd oli kooliõpetaja ja alates 1918. aastast olnud aktiivne kõigil udmurdi kultuuri, keele ja hariduse edendamisega seotud aladel. Aastal 1925, mil Gerd õppis Moskvast, kureeris ta Ašaltši esimese luulekogu “*Сюрес дурын*” (“Maantee ääres”) avaldamist ning kogus sellele positiivseid arvustusi, kuna juba siis peeti sügavalt rahvalikku luulet kahtlaselt apoliitiliseks. 1928. aastal andis Gerd välja ka Ašaltši esimese tõlkekogumiku vene keeles pealkirjaga “*О чём поёт вотячка*” (“Millest laulab votjakitar”).

Kahe poeedi vahel tekkis sügav sõprus. Gerd arendas modernset luulestiili ja viimistles seda aktiivselt, kuid austas sügavalt Ašaltši Oki rahvalikku ja südameid puudutavat laulu. Ta oli täiel määral oma ajastu inimene ja osales aktiivselt rahvusliku kultuuri ülesehitamises revolutsioonijärgses olukorras. Ašaltši seevastu hoidus eemale, kuid kaugemalt nägi isegi selgemalt, mis toimub. Kui tema luuletõlked ilmusid, oli ta kirjandusest praktiliselt eemaldunud, kuna mõistis, et aeg ei lubanud enam paljut teha udmurdi kultuuri hüvanguks.

Gerd proovis ikka ja jälle tegutseda ja selle eest pidi ta lõpuks maksma kõrget hinda... Ašaltši jätkas oma tööd arstina.

Aastal 1933 katkestati udmurdi haritlaskonna tõus süüdistustega nationalismis – kogu tegevus udmurdi rahva ja kultuuri heaks sattus selle märksõna alla. Poliitilised võimud lasid arreteerida ja lavastasid fabritseeritud süüdistustega protsessi, justkui oleksid udmurdi haritlaskonna silmapaistvamad esindajad osalenud väljamõeldud organisatsioonis SOFIN (Союз освобождения финских народностей ehk 'Soome rahvaste vabastamise liit'). Kuzebai Gerdis nähti Eesti ja Soome spiooni ning talle määrati surmanuhtlus. Kirjanik Maksim Gorki ise olevat sekkunud, et Gerdi elu päästa, ent see ei toonud pikaajalist mõju kuigi kauaks. Ašaltši hakati üle kuulama, teda kutsuti korduvalt uurimisorganitesse tunnistusi andma. Teise versiooni kohaselt sai kirjanik 1920.–30. aastatel kirjanike vastu algatatud poliitiliste repressioonide ohvriks. Viimastesse kohtuprotsessidesse teda ei kaasatud, kuid teda ähvardati ja hirmutati ja eemaldati kirjandusmaastikult, ta väitis koguni koguni, et Ašaltši Oki on surnud. Akilina arreteeriti ja ta veetis kolm kuud vahi all. Sama saatustabas ka tema venda, kirjanikku Aivo Ivit, kes sai tuntuks 1920. aastatel.

Kirjanik hoidus alati kommentaaridest, andes mõista, et talle see teema eriti ei meeldi. Seda selgitavad ka Ašaltši Oki sõnad, mida Kuzebai Gerd tsiteeris ülekuulamistel 1932. aastal: "Kirjutada seda, mida tegelikult tunned ja koged, ei saa, kuid valetada ma ei taha; mul on nii hea meel, et mul on teine ohutu eriala – meditsiin. Udmurdi kirjandus on hukkamise äärel, kõik andekad ja parimad jõud on taga kiusatud, jäävad vaid mittekirjanikud. Ma pean vajalikuks kirjandusest täielikult taanduda, kuigi see on minu jaoks raske ja valus" (Kuznetsov 1994: 64). Ehkki ta vabastati, oli ta alati valmis halvimaks. See mõte rõhus teda pidevalt kuni Teise maailmasõja alguseni. Ašaltši nägi oma venda ja sõpra kadumas vangilaagritesse, kõik nende unistused purunesid.

Kui loominguiline karjäär oli pausil, keskendas Ašaltši Oki oma jõu ja potentsiaali arstikarjäärile. Alates 1928. aastast töötas ta silmaarstina Jukamenski ja 1932. aastast Alnaši rajoonis ning stažeeris Odessas Vladimir Filatovi käe all. Vabadel õhtutel tõlkis ta vene poeetide luuletusi udmurdi keelde. Ašaltši tuntuim töö selles valdkonnas on Aleksandr Puškini luulekogu tõlge.

Meditsiinialane töö valmistas Ašaltšile rõõmu. Selles valdkonnas saavutas ta märkimisväärseid edusamme ja sai Udmurdi ANSV teeneliseks arstiks. Tema meditsiinialaseid teadmisi ja töökogemust läks vaja Teise maailmasõja ajal. Arst Vekšina läks vabatahtlikuna rindele kirurgiks. Seda teed valisid paljud meeleheites inimesed, sest kodumaa kaitse tundus neile puhas, surm ei hirmutanud enam niivõrd, ja see samm oli enesetapu alternatiiviks. Meditsiiniteenistuse kaptenina juhtis Ašaltši poolteist aastat mürgise gaasgangreeni infektsiooni osakonda ning seejärel oli kirurgilise rändhaigla nr 571 ordinaator. Lahingute lõppedes autasustati teda medalitega lahinguteenete eest (1944), Berliini vallutamise eest (1945) ja võidu eest Saksamaa üle (1945).

Pärast demobiliseerimist töötas naine alates 1946. aastast arstina Alnaši rajooni haiglas. Ta näitas ennast kogenud spetsialistina ja andis olulise panuse trahhoomi ravisse. Akilina Vekšina pühendas suure osa oma elust inimeste ravimisele samas haiglas. Talle on antud Austuse orden (1958). Sõja kaoses olid inimesed unustanud, et nende arst oli kunagi luuletanud. Nad laulsid tema luuletustest tehtud laule, teadmata midagi tekstide autorist.

Aastal 1956, s.t alles Nikita Hruštšovi "sula" ajal naasis poeet kirjanike sekka. See polnud tal lihtne, kuid tänu paljude kirjanikest sõprade toetusele saavutas Ašaltši Oki selle, et ta luuletused avaldati vene keeles. Lisaks kirjutas ta pärast 1956. aastat mitu jutustust lastele. Ašaltši Oki suri 31. oktoobril 1973. Udmurdi kirjanduslukku jäi ta naisluule rajajana.

I Ashal'chi Oki's life and poetry

Akilina Vekshina was born on April 4th (16th) 1898 in a peasant's family in Russia's Vyatka governorate, Yelabuga district, Grakhovo municipality Kuzebaevo village (today Grakhovo's district in Udmurtia). She studied at Karlygan's school, later at the teacher training college, where at 16 she became a teacher. Five years she taught Udmurt village children to read and write, which was the most ordinary fate for young literates. In 1919 she pursued her studies first in the preparation department of Kazan University (1921), then, in the same university, in the medicine department (1927) where she graduated as an ophthalmologist.

Ashal'chi's artistic career started in 1918 under the pseudonym Ashal'chi Oki (*ashal'chi* in Udmurt means "holy grass" – Latin name Hierochloe odorata – and Oki is the Udmurt form for Akilina) by printing poems in the Udmurt paper *Vil' sin'* ("New Eye") and *Gudyri* ("Thunder"), which has emerged during World War I. Ashal'chi herself did not attempt to gather them into a poem collection; she was studying medicine in Kazan, for she felt that her vocation was to heal her people from the eye diseases that were massively its plague. The initiative was Kuzebay Gerd's, the other great personally in the same period, who was himself a schoolteacher, and had been since 1918 active in all the fields connected with Udmurt culture and language, and Udmurt education. In 1925, as Gerd was a student in Moscow, he organised himself Ashal'chi's first collection of poems, *Nearby the road*, published it, and gathered positive recensions, for even at that time, that deeply folk-inspired poem was suspect for its being too apolitical. The same Kuzebay Gerd published in 1928 the collection's first translation into Russian under the title *What a Votyak woman sings about?*

At the same time, a deep friendship had blossomed between the two poets. Gerd had developed a modern style, about which he worked and which he permanently refined, but he had a deep respect for Ashal'chi's singing, deeply embedded in folk culture. Gerd, however, was a man of his time, and his was involved in the national construction following the revolution. In contrast, the poetess had a wider understanding, and

probably a clearer one than the activist's: when Ashal'chi's translations are published, she had practically quitted the literary arena, for she understood that her time did not allow anymore working for Udmurt culture. Gerd went on trying, and he had to pay for it. Ashal'chi continued working, but now within the framework of her medical vocation.

In 1933 the Udmurt intellectuals' flight was stopped under the accusation of nationalism, which encompassed at that time all activities for the welfare of Udmurt people and culture. The political security organs organised a make up process, the fabricated a state-hostile organisation (SOFIN: the Union for the liberation of the Finnic peoples), and the more brilliant representatives of Udmurt intelligentsia were arrested. Gerd was seen as a spy for Finland and Estonia and was sentenced to death. Maksim Gor'ki is supposed to have interfered, and he saved – not for long – Gerd's life. Ashal'chi was submitted to repeated summons to the authorities, questioning, and asked to give evidence. According to another version, she was a victim of the political repressions against Udmurt intellectuals. Anyhow, she was not among the prosecuted writers but she was threatened and terrorised and she finally abandoned the literary field, she even declared that Ashal'chi Oki was dead.

Akilina was nevertheless arrested and spent three months in the NKVD's jails. The same happened to her brother Ayvo Ivi, also a writer, who had become famous in the 1920s. She always refrained from commenting anything and declared that these questions did not interest her. That's what she said in 1932 to Gerd, and he reported it while interrogated: "to write what you really feel and experience, is not possible, but I don't want to lie; I am so happy that I have another profession that's not dangerous, medicine. Udmurt literature is on the brink of ruin, all the best and most talented forces are persecuted, only non-writers remain. I must fully retire from literature, although for me it is difficult and painful" (Kuznetsov 1994: 64). Although she was liberated, she was always ready for the other shoe to drop. This oppressed her until the starting of WWII. She had seen her brother and best friend disappear in prison camps, and all their dreams shattered.

Her creative career was in a break, she concentrated her energy and potential on her career as a physician. From 1928 on, she worked as an ophthalmologist in Yukamensk and in 1932 she became a trainee under

Vladimir Filatov in Odessa. In her free evenings she translated Russian poet's texts into Udmurt. Her best-known work in this field is the translation of a Pushkin collection of poems.

As a physician, she was happy. She collected many achievements in this field and received the title of the Udmurt autonomous Soviet republic's worthy physician. Her knowledge and experience as a physician became necessary in World War II. It is not surprising that she went as volunteer to the front, for this was a deed that was pure – the defence of one's country – and finally death was not so terrifying, and this was an alternative to suicide. As a captain in medical service, she led for two years the department of poisonous gaz gangrene infection, and later she became an ordinator in Surgery mobile hospital No. 571. After the end of combat she was decorated of different medals – for service in battle (1944), for Berlin's occupation (1945) and for Victory over Germany (1945).

After demobilisation she worked since 1946 as a physician in the Alnashi district hospital. She was an experienced specialist and contributed greatly to trachoma healing. Akilina Vekshina dedicated most of her life to healing people in the same hospital. She received for it a medal (1958) and in war's chaos, people forgot that their doctor had at some point written poetry. They sang songs on her texts but didn't know about her anything.

In 1956 she went back among the poets, so only in Nikita Khrushchev's time. It was not easy for her, but thanks to the support of many friendly writers she obtained that her poems were published again in Russian. Moreover, she wrote after 1956 several stories for children. Ashal'chi Oki died on October 31st 1973. In Udmurt history of literature, she remains as the founder of women's poetry.

I Жизнь и творчество Ашальчи Оки

Акилина Векшина родилась 4 (16) апреля 1898 года в крестьянской семье в деревне Кузебаево Граховской волости Елабужского уезда Вятской губернии (ныне Граховский район Удмуртии). Училась в Карлыганской школе, затем в педагогическом училище, после которого в 16 лет стала учительницей. Пять лет она учила удмуртских деревенских детей грамоте, что было самой обычной участью для образованной молодежи. В 1919 году она продолжила учебу сначала на подготовительном отделении Казанского университета (1921), затем, в том же университете, на медицинском факультете (1927), где получила специальность офтальмолога.

Творческая карьера Ашальчи началась в 1918 году под псевдонимом Ашальчи Оки (*ашальчи* по-удмуртски означает “святая трава” – латинское название *Hierochloe odorata*, а Оки – удмуртская форма имени Акилина) с публикации в удмуртской газете “*Виль син*” (“Новый глаз”) и “*Гудыри*” (“Гром”) стихов, написанных во время Первой мировой войны. Сама Ашальчи не пыталась собрать их в сборник стихов, она изучала медицину в Казани, так как считала, что ее призвание – лечить свой народ от глазных болезней, которые стали большой проблемой. Инициатива опубликовать сборник стихов Ашальчи принадлежала Кузебаю Герду, еще одному выдающемуся деятелю того времени. Он сам был школьным учителем и с 1918 года активно работал в разных сферах, связанных с удмуртской культурой, языком, образованием. В 1925 году, будучи студентом в Москве, Герд подготовил первый сборник стихов Ашальчи “У дороги”, издал его и собрал положительные отзывы. Сборник был назван, как заглавное стихотворение (тогда это глубоко народное стихотворение вызывало подозрения в излишней аполитичности). Тот же Кузубай Герд в 1928 году опубликовал первый перевод сборника на русский язык под названием “О чем поет вотячка?”.

Тогда между двумя поэтами завязалась глубокая дружба. Герд выработал современный стиль, над которым работал и который постоянно совершенствовал, но с глубоким уважением относился

к поэтическому голосу Ашальчи, глубоко укорененному в народной культуре. Однако Герд был человеком своего времени и после революции участвовал в государственном нацистроительстве. У поэтессы, напротив, понимание было шире и, возможно, яснее, чем у Кузубая: к моменту публикации переводов Ашальчи она практически ушла с литературного поприща, так как понимала, что ее время не позволяет больше работать на благо удмуртской культуры. Герд продолжал пытаться, и ему пришлось за это заплатить. Ашальчи продолжала работать, но теперь уже реализуя свое врачебное призвание.

В 1933 году национальный подъем удмуртской культуры был остановлен, ее представители были обвинены в национализме, под которым в то время понималась любая деятельность на благо удмуртского народа и культуры. Органы государственной безопасности организовали судебный процесс по сфабрикованному делу о враждебной государству выдуманной организации (СОФИН – Союз освобождения финских народностей), в рамках которого самые яркие представители удмуртской интеллигенции были арестованы. Герд был признан шпионом Финляндии и Эстонии и приговорен к смертной казни. Предполагается, что в дело вмешался Максим Горький, который спас жизнь Герду, правда, ненадолго. Ашальчи неоднократно вызывали на допросы в качестве свидетеля, требуя дать показания на ее друзей и знакомых. По другой версии, она сама была подозреваемой. Но, как бы то ни было, она не попала в число осужденных писателей, хотя ей угрожали, пытали, и она окончательно оставила литературное поприще, даже заявила, что Ашальчи Оки умерла.

Тем не менее Акилина была арестована и провела три месяца в тюрьмах НКВД. То же самое произошло и с ее братом Айво Иви, тоже писателем, прославившимся в 1920-е годы. Она всегда воздерживалась от комментариев и заявляла, что эти вопросы ее не интересуют. Вот что Герд заявила о ее позиции в 1932 году на допросе: “Писать то, что действительно чувствуешь и переживаешь, невозможно, но я не хочу лгать, я так счастлива, что у меня есть другая профессия, безопасная – медицина. Удмуртская литература находится на грани гибели, все лучшие и талантливые силы преследуются, остаются одни неписатели. Я должна полностью уйти из литературы, хотя мне это

трудно и больно“ (Кузнецов 1994: 64). Несмотря на освобождение, она всегда была готова к тому, что репрессии распространятся и на нее. Это угнетало ее вплоть до начала Второй мировой войны, ведь она видела, как ее брат и лучший друг сгинули в лагерях, а все их мечты разбились.

В творческой карьере наступил перерыв, и она сосредоточила свои силы и потенциал на карьере врача: с 1928 года работала офтальмологом в Юкаменске, а в 1932 году стала стажером Владимира Филатова в Одессе. В свободные вечера она переводила тексты русских поэтов на удмуртский язык. Самая известная ее работа в этой области – перевод пушкинского сборника стихов.

В качестве врача Акилина-Ашальчи добилась признания, получила различные награды и даже звание заслуженного врача Удмуртской автономной советской социалистической республики. Ее знания и опыт пригодились во время Великой Отечественной войны. Неудивительно, что она пошла добровольцем на фронт, это был искренний поступок – защита страны, и, кроме того, смерть была не так страшна, и выглядела как альтернатива самоубийству. В звании капитана медицинской службы она два года руководила отделением инфекционной гангрены, а затем стала ординатором в хирургическом подвижном госпитале № 571. После войны была награждена различными медалями – “За боевые заслуги“ (1944), “За взятие Берлина“ (1945) и “За победу над Германией“ (1945).

После демобилизации она с 1946 года работала врачом в районной больнице Алнаши, была опытным специалистом и внесла большой вклад в излечение трахомы. Большую часть своей жизни Акилина Векшина посвятила лечению людей в той же больнице. За это она получила медаль (1958), и в военном хаосе люди забыли, что их врач когда-то писала стихи. Они пели песни на ее стихи, но ничего не знали об авторе.

В 1956 году она вернулась в поэзию, это были уже времена Никиты Хрущева. Ей было нелегко, но благодаря поддержке многих друзей-литераторов ее стихи снова стали публиковать на русском языке. Кроме того, после 1956 года она написала несколько рассказов для детей. Умерла Ашальчи Оки 31 октября 1973 года. В истории удмуртской литературы она осталась как основоположник женской поэзии.

II

Ašaltši Oki tähtsus udmurdi kultuuris

Nagu mainitud, on tegemist esimese udmurdi naisluuletajaga. Ašaltši Oki pani aluse traditsioonile, mis osutus udmurdi kultuuris väga oluliseks. Udmurdi rahvaluules on naiste roll märkimisväärne, kuid jõudmine suulisest eneseväljendusest kirjalikuni võttis aega. Ašaltši oli esimene, kuid mitte viimane. 1970. aastate lõpus tekkis Udmurdimaal naisluuletajate võimas laine, mis kindlustas naistele koha udmurdi kirjakultuuris. Nagu sageli juhtub tugeva rahvalaulutraditsiooniga rahvastel, arenes proosa aeglasemalt ja sai tõelise hoo sisse alles 21. sajandil.

Ašaltši Oki tõi udmurdi kirjandusse naise hääle. Revolutsioonijärgseid aastaid iseloomustas teatav feministlik protest naiste allasurutud positsiooni vastu ühiskonnas. Kuzebai Gerd väljendas neid mõtteid, tunnistades koos oma rahva rõhumisega ka naiste kahekordset koormat. Aga Ašaltši, arst Vekšina, tundis seda isiklikult. Ta rõhutas naiste vaikivat kannatust ja ujedust, mis ei lubanud neil ühiskondlike reeglite tõttu oma emotsioone välja näidata. See vaikus oli osa allasurutusest ja sisemisest seisundist, mida ainult naine oskab väljendada. Seega oli Ašaltši hääl udmurdi kultuuris tõeliselt uus ja kõlab tänini tõena.

Ašaltši Oki tõi udmurdi kirjakuultuuri ka tugeva rahvaluule vaimu. Ta ehitas silla rahvalaulu ja luule vahele ning kasutas seda ise loominguliselt. Noore naise hääl andis kinnistunud kujunditele uusi tähendusi. Näiteks sai nekruti või pruudi hüvastijätulaulust üldine kogemus: nekrut jätab oma juurtega hüvasti, teadmata, kas kunagi naaseb, pruut nutab oma neipõlve taga ja läheb mehe perekonda uut elu ehitama. Ašaltši luule sublimeerib need kujundid üldinimlikeks kannatusteks, rõhutades inimese, eriti naise, seost loodusega.

Ühes teises tuntud luuletuses, mis rõhutab samuti naise tundeilma seost loodusega, oli Ašaltšil kolm salmi (vt "Kui metsa lähen ma..."). Rahvas lisas sellele hiljem kaks salmi, kuna luuletaja mõtted sobisid väga hästi rahvaliku mõttemaailmaga.

Ašaltši Oki looming ei ole mahukas – kõigest 37 luuletust, kuid need on jäänud rahva seas elama. Kuni 1950. aastate lõpuni püüdis ametlik Udmurdimaa Ašaltšit ja tema põlvkonda kirjandusloost kustutada.

Tema luulet iseloomustab igavikulisus: ka sada aastat hiljem puudutab see lugejate südameid, olgu nad udmurdid või pärit mujalt maailmast. Minu prantsuse tudengite seas saab Ašaltši looming ruttu lemmikuks. Ta kirjutas konkreetsel ajal ja kindlas kohas, kuid tema tekstid ületavad nii aja kui ka ruumi.

Seda ei saa paraku öelda tema saatusekaaslase Kuzebai Gerdi kohta. Tema oli tugevalt seotud oma aja probleemistikuga ning tema luule kõnetab täna neid, kes on ise kokku puutunud samade küsimustega: lootus oma rahva ärkamisele, kõhklemine linna ja küla vahel... Gerdi looming on küll geniaalne, kuid vananenud ja seda saab nüüd lugeda pigem kui huvitavat dokumenti, mitte kui surematut kunstiteost.

II

Ashal'chi Oki's importance for Udmurt culture

As we reminded, she was the first poetess in Udmurt culture. She started thus a tradition which became very relevant. In Udmurt folklore the role of women is significant indeed, but it took time to go over from oral expression to written one, it required time. Ashal'chi is the first. But not the last. At the end of the 1970ies, a powerful wave of women's poetry exploded in Udmurtia and since the place of woman in written culture is guaranteed. As it is often the case with communities whose folklore poetical traditions are strong, the prose required more time, and only at the beginning of the 21st century it started to blossom fully.

Ashal'chi was the first to let strongly hear women's voice. The years following the revolution were characterised by a strong feminist protest against women's oppressed position in society. Gerd expressed all these ideas and acknowledged that while his people was oppressed as a whole, women bore a double burden. But Ashal'chi, doctor Vekshina, sensed it on her own skin. She insists on women's plague, their shyness, they are condemned to remain silent, society's rules do not allow them to express their emotions. This is also part of the women's oppression, but it is expressed within their personality, and this is one aspect that only a woman was able to express. Thus is Ashal'chi Oki indeed, in Udmurt culture, a new voice which is heard and acknowledged as true until today.

She also introduced powerfully into Udmurt written culture the voice of folk lore. She built up a bridge between folk song and poetry and crossed it regularly and creatively. The voice of a young woman brought new meanings into traditionally fixed ones. The recruit's song and the bride's farewell song received a new meaning, separated from the story: when the bride weeps for her lost youth, in order to build a new, adult life into her husband's family, when the recruit says farewell to his roots, not knowing whether he would ever see these lands again, Ashal'chi's poetry sublimates these emotions and turn them into universal suffering, which is also emphasised by the poetess' connection between the

woman and her surrounding nature. In another poem, which sings the connection between the woman's thoughts and her beloved, Ashal'chi had written three stanzas (see "When I go to the forest"). The Udmurt created two more, for these thoughts were so natural and organic, that it was impossible to stop there.

Ashal'chi's production is not big: only thirty-seven poems, but these have remained in the Udmurt's awareness, and they go on living, although until the 1950ies, official Udmurtia has attempted to delete from literary history both Ashal'chi and her generation. They are characterised by their eternal value. Even now, one century after their creation, they touch the reader, they awake emotions, whether the reader is Udmurt or from anywhere else in the world. For my French students, this poem becomes one of their favourites. Ashal'chi wrote in a very concrete time and place, but what she wrote is beyond her time and her place. Regretfully, we may not say the same thing for her (almost) fate companion, Kuzebay Gerd. He was so deeply involved in his time problematics, that his poetry awakes familiar emotions only in the readers that have touched upon the same questions: a deep hope about the awakening of his people, hesitations between the town and the village... Unfortunately, Gerd's exceptional talent has aged, and it is now interesting to read it mainly as a document more than as immortal art.

II

Значение Ашальчи Оки для удмуртской культуры

Ашальчи Оки стала первой удмуртской поэтессой. Она положила начало феномену “женского письма” в удмуртской культуре: в традиционном фольклоре роль женщины значительна, но для перехода от устной к авторской письменной речи требуется время. Ашальчи осуществила этот переход, результатом которого стала мощная волна женской поэзии в Удмуртии в конце 1970-х годов, обеспечившая почетное и важное место женщины в письменной удмуртской культуре. Как это часто бывает в сообществах, где сильны фольклорно-поэтические традиции, прозе потребовалось больше времени, и только в начале XXI века она начала расцветать в полную силу.

Благодаря Ашальчи, женский голос был услышан. Годы, последовавшие за революцией, характеризовались сильным феминистским протестом против угнетенного положения женщин в обществе. Герд выразил все эти идеи и признал, что, хотя его народ угнетен в целом, женщины несут двойное бремя. И Ашальчи, врач Векшина, почувствовала это на себе. Она указывала на исключенность женщин, их страдания, на то, что женщины обречены молчать, что правила в обществе не позволяют им высказывать свои эмоции. Это тоже часть женского угнетения и один из аспектов, который могла выразить только женщина. Таким образом, Ашальчи Оки действительно является в удмуртской культуре новым громким голосом, звучащим до сих пор.

Она также ввела в удмуртскую письменную культуру голос народных преданий, выстроила мост между народной песней и поэзией и регулярно в творчестве переходила по нему. Голос молодой женщины приносил новые смыслы в традиционно устоявшиеся. Песня рекрута и прощальная песня невесты обрели новый смысл, оторванный от сюжета: когда невеста оплакивает свою утраченную молодость, чтобы построить новую, взрослую жизнь в семье

мужа, когда рекрут прощается со своими корнями, не зная, увидит ли он когда-нибудь эти земли снова, поэзия Ашальчи сублимирует эти эмоции и превращает их в универсальное страдание, усиленное с помощью художественных средств и передачу связи между женщиной-нарратором и окружающей ее природой. В другом стихотворении, воспевающем связь между мыслями женщины и ее возлюбленного, Ашальчи написала три строфы (см. “Когда в лесах гуляю...”). Удмурты создали еще две, ведь эти мысли были настолько естественны и органичны, что остановиться на них было невозможно.

Наследие Ашальчи невелико: всего тридцать семь стихотворений, но они остались в сознании удмуртов и продолжают жить, хотя до 1950-х годов официальная Удмуртия пыталась вычеркнуть из литературной истории как Ашальчи, так и ее поколение. Хотя их ценность для культуры непреходяща. Даже сейчас, спустя столетие после написания, произведения трогают читателя, пробуждают в нем эмоции, независимо от того, из Удмуртии ли читатель или из другой точки мира. Для моих студентов-французов стихотворение “У дороги” стало одним из самых любимых. Ашальчи писала в очень конкретное время и в конкретном месте, но то, что она написала, выходит за рамки ее времени и ее места. К сожалению, мы не можем сказать того же о ее друге, Кузубае Герде. Он был настолько глубоко погружен в проблематику своего времени, что его поэзия пробуждает знакомые эмоции только у тех читателей, которые затрагивали те же вопросы: глубокую надежду на пробуждение своего народа, колебания между городом и деревней. К сожалению, исключительный талант Герда состарился, произведения потеряли актуальность, и теперь его интересно читать, в основном, как документ, а не как бессмертное искусство.

III

“Maantee ääres”: kommentaar

Luuletuse “Maantee ääres” pealkiri on ühtlasi luulekogu (Moskva, 1925) pealkiri. Raamatu avaldamist ei korraldanud poetess ise, vaid tema mõttekaaslane Kuzebai Gerd, kes tol ajal kureeris Moskvast udmurdi väljaandeid.

Pealkirja valik pole juhuslik. Sellel oli ka sümboolne tähendus: luulekogu ilmus nõukogude võimu algusaastatel, ja juba siis süüdistati Ašaltši Okit apoliitilisuses. Gerd tol ajal tõepoolest ei mõõtnud kirjaniku kunstilist väärtust poliitilise tegevuse järgi. Tuli siiski arvestada üldise meeleoluga, mille kohaselt on luuletuses nimetatud tee kahtlemata revolutsiooni tee helge tuleviku suunas... Autor kommenteerib eessõnas, et ta on küll veel “tee ääres”, kuid valmis resoluutselt teele astuma... Samas võib esile tuua ka seda, et luuletus paikneb kogumiku “vanale elule” pühendatud osas. Aimame, et Gerd tahtis rõhutada: tee ääres seismine on vana elu nähtus, mitte vaade tuleviku poole.

Kirjandusteadlased on arvamusel, et luuletus on inspireeritud rahvaluulest. Selle kohta leidub erinevaid versioone. Mõned peavad aluseks udmurdi nekruti hüvastijätulaulu. Lauluga markeerib sõjaväkke lahkuv noormees koduümbruse maastikku, seostades seda oma kehaga. Teiste meelest on see aga inspireeritud mõrsja laulust pulmarituaalis. Mõrsja pole abielludes enam siin ega veel seal, ei kuulu enam oma isa suguvõssa ega ole päriselt liitunud oma mehe hõimlastega. Selles seisundis pöördub ta koduse maastiku poole, et leida sealt lohutust ebamäärasele olukorrale. Tatjana Vladõkina sõnul esitatakse selliseid laule pärast abieliu kui kokku-leppe sõlmimise rituaali, kui nooruk jätab hüvasti oma ümbruskonna ja tuttava maailmaga.

Autor ise on väitnud, et luuletus on vana vene rahvalaulu tõlge. Selles võib kahelda, sest kuigi teoses väljendatud teemad on universaalsed, pole käsitlus vene rahvalauludele iseloomulik. Saladuseks jääb, miks pidi seda seostama just vene rahvaluulega. Kas ülalmainitud süüdistuste pärast?

Igal juhul on selle luuletuse struktuur läbipaistev: autor toob esile tuttavat ja lähedased loodusobjektid – paju, niidu, lille, allika. Igas salmis anub ta mõnda pereliiget – isa, vanemat venda, õde, ema – neid mitte hävitama või häirima. Teises osas selgitab ta palvet: need loodusobjektid on osa temast endast. Esimese ja teise osa vahel ilmneb üsna range parallelism,

mõnikord lausa sõnakordus. Teise osa kohamääratlused rõhutavad päritolu: mitte tee ääres, vaid tee äärest; kollase rukki keskel – kollase rukki keskelt ja mäe all – mäe alt. Liikumise lisamine otsekui rõhutaks võrdlust laulja kehaga. Ainult teise salmi jõed “kaovad” luuletuse teisest osast, see-eest tekib särava rohu kujund. Need on pisikesed, parallelismile omased muudatused muidu ranges temaatilises struktuuris A B C D – A' B' C' D'.

Rahvaluulest sündinud luuletus naaseb rahvaluulesse. See võtab väga ruttu laulu kuju, seda hakatakse laulma. Huvitaval kombel muutub laulus luuletuse range struktuur: struktuuri range iseloom ei kao, kuid väljendub teistmoodi: pärast kaht esimest elementi järgneb kohe võrdlus: A B – A' B', C D – C' D'. Nikolai Postnikov on teinud laulule viisi, mis on Udmurdimaal üldtuntud.

Rahvaluule kontekstist välja lõigatuna kõlab laul tänapäeval siiski teistmoodi ja omandab teise tähenduse, mis on kaugel pikaks ajaks kodust lahkuva poisi emotsioonidest või noore neuu tunnetest neiu põlve lõpus. Tänapäeval on see laul pigem kooskõlas areneva ökoloogilise mõtlemisega, mille kohaselt tuleb hoida loodust, sest see on osa inimesest endast ning see sümbioos on lahutamatu. Nii saame jälgida, kuidas muutes konteksti, kasvõi laulja häält (meeslaulja või naislaulja), saab tekstile omistada hoopis erinevaid tähendusi.

Tõlgete puhul tundub üsna oluline tähtsustada struktuuri isegi rohkem kui arvestada silpide arvu või algriimiga. Vaadates allpool pakutud tõlkeid sellest seisukohast näeme, et enamik neist vastab algupärasele skeemile. Sellest kaugeneb aga Semjon Olenderi 20. sajandi lõpus tehtud venekeelne tõlge, kuhu on lisatud olematu vestluspartner ja mingi paatoslik pöördumine. Huvitav on paljude tõlkijate soov (eriti venekeelsetes tõlgetes) lisada omadussõnu, nagu ei annaks algupärane lihtne tekst emotsioone piisavalt hästi edasi. Seda ilmselt tajub ka Gerd, kelle tõlge on Ašaltši tekstile küllaltki lähedane. Veelgi lähedasem tundub Aleksei Smolnikovi tõlge. Prantsuse tõlge ei pretendeeri kunstilisusele, vaid soovib eelkõige teksti tõetruult edasi anda: sellel puudub vajalik rütm, mida on eriti tunda teose teises osas. See osutab vajadusele lisada midagigi ka teistesse keeltesse, et tulemus kõlaks luuletusena.

Sisuliselt suuri raskusi tõlkimisel ei teki. Pigem on siin vaja hoolitseda selle eest, et säiliks silpide arv, et tekst ei logiseks ja seepärast tuleb vahel lisada mõni element.

III

“Nearby the road”: Comment of the poem

Today’s poem’s title is “Nearby the road”. At the same time, it is the title of a collection of poems (Moscow 1925). Its publication was not organised by the poetess herself, but by her fellow poet Kuzebay Gerd, who at that time, was responsible in Moscow for Udmurt publications.

The title is not chosen by happenstance. It has also – at that time – a symbolic meaning: the collection of poems appeared in the first years of the Soviet regime, and even in that period Ashal’chi was accused of apoliticism. Indeed, at that time, Gerd did not measure artistic value with political criteria. Nevertheless, one had to consider the general atmosphere, so that the “road” mentioned in the poem could not be other than the road of revolution towards a bright future.... In his preface, Gerd comments that the author is still “nearby the road”, but she is ready to step resolutely onto it... We may also mention that the poem is included in the chapter dedicated to “the old life”. We suppose that Gerd wanted thus to emphasise that standing nearby the road, is a phenomenon of yesterday, not a perspective towards the future.

Literary scholars argue that this poem is inspired by folklore songs. There are about this topic different versions. For some, the basis is a recruit’s farewell song: the young lad who is going to the army marks the landscape, connecting it to his body. For others, the inspiration is one of the bride’s songs in the wedding ritual. Getting married, the bride is neither here nor there: she is no more part of her father’s household and family she has not yet joined her husband’s. In this uncertain state she turns to her home landscape looking for comfort. According to Tatiana Vladykina, this kind of song is performed just after marriage, when the contract is being drawn, and the girl says farewell to her known world.

Ashal’chi herself has argued that this poem is inspired by an old Russian folk song. We may have doubts about it. Although the topics are universal, Russian folklore has not turned these thoughts into a regular trope.

Why did the poetess say this? Is that connected to the abovementioned accusations?

Anyhow, the poem's structure is transparent: the author introduces familiar, well-known natural elements – the willow, the meadow, the rye field, the source. In each stanza she implores one close family member – the father, the older brother, the older sister, the mother – not to destroy or to disturb them. In the second part, she explains the request: these natural elements are part of herself. Between the two parts, the parallelism is perfect; sometimes there is even a repetition of the verse. Only the place complements in it emphasise the origin. Just a small movement is added: not “nearby the road”, but “from nearby the road”; not “among the rye”, “under the hill”, but “from among the rye”, and “from under the hill”, as to emphasise the comparison with the singer's body. Only the rivers, in plural, in the second stanza of the poem, disappear in the second part and are replaced by “glistening herbs”. These are tiny alterations, which are characteristic of folklore parallelism, and which do not alter the strict thematic structure A B C D – A' B' C' D'.

The poem originating in folk lore returns to folklore. It becomes very quickly a song, and people sing it. What is interesting is that in folk lore the strict structure is changed: it is no less strict, but it is expressed otherwise: after the first two elements introduction, the comparison immediately follows: A B – A' B', C D – C' D'. This song has been put into music by composer Nikolai Postnikov, whose tune is well-known all over Udmurtia.

Independently from its folklore context, today this poem/song resonates otherwise and acquires a new meaning, which is quite remote from the emotions of a lad leaving his country for many years or a bride feeling the end of her girl's time; today, this song is in harmony with the developing ecological thinking, according to which nature is to be protected because it is part of the human being and that symbiosis is not to be broken. Thus, we may follow how the change of context, and even of the singer's voice (man or woman) may give the text new meanings.

About translation, it is most important to follow the structure even more than to respect the number of syllables or the initial rhyme. When we look at the translations below from this point of view, we notice that most of them respect the original pattern, with the exception of Semyon Olender' Russian translation, made at the end of the 20th century, in

which he added an inexistent partner and some pathos. What is interesting in Russian translations is the need for adding adjectives, as if the original text's simplicity is not able to transmit powerful emotions. This is also clearly Gerd's feeling, although his translation is quite true to the original. Even truer however is Aleksey Smolnikov's. The French translation does not pretend to be artistic; it wants to transmit the poetess' strategy as strictly as possible; thus, it lacks rhythm, which is especially to be felt in the second part. And this explains possibly why in other languages the translators have felt the need to add adjectives, in order to guarantee a poetical rhythm.

Nevertheless, no great difficulties arise while translating. Here what is important is to respect the rhythm, even if that requests the addition of some elements.

III

“У дороги”: комментарий к стихотворению

Современное название стихотворения – “У дороги” – дало заглавие целому сборнику стихов (Москва 1925). Его издание было организовано не самой поэтессой, а ее соратником Кузубаем Гердом, который в то время отвечал в Москве за удмуртские издания.

Название книги выбрано не случайно и имеет символический для того времени смысл: сборник стихов вышел в первые годы советской власти, и уже тогда Ашальчи обвиняли в аполитичности. Действительно, в то время Герд не соизмерял художественную ценность с политическими критериями. Тем не менее, нужно было учитывать общую атмосферу, так что “дорога”, о которой говорится в поэме, не могла быть иной, как дорогой революции к светлому будущему. В своем предисловии Герд отмечает, что автор “недалеко от дороги”, но уже готова решительно на нее ступить. Можно также отметить, что поэма включена в главу, посвященную “старой жизни”. Мы предполагаем, что таким образом Герд хотел подчеркнуть, что стоять у дороги – это явление вчерашнего дня, а не перспектива на будущее.

Есть распространенное мнение среди специалистов, что стихотворение навеяно фольклорными песнями. Существуют разные версии на эту тему. Некоторые считают, что в основе лежит прощальная песня новобранца: юноша, уходящий в армию, замечает пейзаж, связывая его со своим телом. Другие считают, что Ашальчи вдохновила одна из песен невесты в свадебном ритуале. Выходя замуж, невеста оказывается ни там, ни тут: она больше не часть отцовского дома и семьи, но вместе с тем еще и не вошла в семью мужа. В этом неопределенном состоянии она обращается к родному пейзажу в поисках утешения. По мнению Татьяны Владыкиной, подобная песня исполняется сразу после свадьбы, когда родственники с двух сторон договариваются о свадьбе, и девушка прощается с известным

ей миром. Сама Ашальчи утверждала, что стихотворение навеяно старинным русским народным напевом.

Как бы то ни было, структура стихотворения прозрачна: автор вводит знакомые, хорошо известные природные элементы – иву, луг, ржаное поле, источник. В каждой строфе она обращается к одному из близких членов семьи – отцу, старшему брату, старшей сестре, матери – с просьбой не разрушать и не нарушать их. Во второй части она объясняет свою просьбу: эти природные элементы – часть ее самой. Параллелизм между двумя частями безупречен, иногда даже есть повтор стиха. только местоименные дополнения в нем подчеркивают происхождение. Добавляется лишь небольшое движение: не “у дороги”, а “с дороги”; не “среди ржи”, “под холмом”, а “во ржи”, “из-под холма”, чтобы подчеркнуть сравнение с телом нарратора. Только реки во множественном числе во второй строфе стихотворения исчезают во второй части и заменяются на “сверкающие травы”. Эти крошечные изменения, характерные для фольклорного параллелизма, не меняют строгой структуры $A B C D - A' B' C' D'$.

Стихотворение, возникшее в народном предании, возвращается в фольклор. Оно очень быстро становится песней. Интересно, что в фольклоре строгая структура меняется: она не становится менее строгой, но выражается иначе: после введения первых двух элементов сразу следует сравнение: $A B - A' B'$, $C D - C' D'$. Эта песня положена на музыку композитором Николаем Постниковым, мелодия которого хорошо известна по всей Удмуртии.

Независимо от фольклорного контекста, сегодня это стихотворение-песня приобретает иной резонанс и новый смысл, далекий от эмоций парня, покидающего родину на долгие годы, или невесты, чувствующей конец своего девичества; сегодня эта песня созвучна развивающемуся экологическому мышлению, согласно которому природу нужно беречь, потому что она часть человека, и этот симбиоз нельзя нарушать. Таким образом, мы можем проследить, как изменение контекста и даже голоса певца (мужского или женского) может придать тексту новые смыслы.

При переводе важно следовать структуре даже больше, чем количеству слогов или начальной рифме. Если посмотреть на приведенные ниже переводы с этой точки зрения, то можно заметить,

что большинство из них соблюдают оригинальную схему, за исключением русского перевода Семена Олендера, сделанного в конце XX века, в котором он добавил несуществующего партнера и немного пафоса. Что интересно в русских переводах, это необходимость добавления прилагательных, как будто простота оригинального текста не способна передать сильные эмоции. Это явно чувствует и Герд, хотя его перевод вполне соответствует оригиналу. Однако еще более верен перевод Алексея Смольникова. Французский перевод не претендует на художественность, он стремится как можно строже передать стратегию поэтессы, поэтому ему не хватает ритма, который особенно ощущается во второй части. И это, возможно, объясняет, почему на других языках переводчики считают необходимым добавлять прилагательные, чтобы гарантировать поэтический ритм.

Тем не менее, больших трудностей при переводе не возникает. Здесь важно соблюдать ритм, даже если это требует добавления некоторых элементов.

Сюрес дурын

1925

Ашалъчи Оки (Акилина / Акулина Векшина)

Сюрес дурын
Баблес кызыпу.
Атай, сое
Тон эн кора.

Шуръёс дурысь,
Возь вылъёсысь,
Агай, турын
Тон эн турна.

Їуж зег пöлын
Лыз сяськаос.
Апай, сое
Тон эн ишка.

Гурезь улын
Чылкыт ошмес.
Анай, вүзэ
Тон эн пожа.

Сюрес дурысь
Баблес кызыпу –
Мынам луоз
Со мугоры.

Возь вылъёсысь
Чилясь турын –
Мынам луоз
Їуж йырсие.

Їуж жег пöлысь
Лыз сяськаос –
Мынам луоз
Лыз синъёсы.

Гурезь улысь
Чылкыт ошмес –
Уно бöрдэм
Синвуосы!

(Ашальчи Оки 1998: 39–40)

IV

“Maantee ääres”: tõlked erinevatesse keeltesse

“Maantee ääres” on arvatavasti Ašaltši Oki tuntuim luuletus, mis on tõlgitud erinevatesse keeltesse. Kõige rohkem tõlkeid on tehtud vene keelde. Selle traditsioon ulatub kaugemale, sest Ašaltši luuletuste esimene vene keelde tõlkija oli Kuzebai Gerd, kes õppis Moskva Kirjandusinstituudis, kus õppetöö toimus vene keeles ja tema peamine juhendaja oli kuulus vene sümbolist Valeri Brjussov. See oli kahtlemata nõudlik kool, kuna Brjussov tähtsustas tööd luuletuse kallal kuni viimase viimistluse-ni. Polegi üllatav, et mitmed vene luuletajad on Ašaltši tekstiga hiljem töötnud – tee oli juba rajatud.

Poolakeelsed tõlked sündisid soome-ugri kirjanduskohviku projekti käigus. Prantsuskeelne tõlge valmis toortõlkena juba 2001. aastal, kuid kirjanduskohviku raames tekkis soov luua selline versioon, mida saaks ka laulda. Nii sündis teine, lauldav tõlge.

Paul (Ava) Chouquet, kes aastatel 2022–2024 õppis Pariisis udmurdi keelt, soovis tõlkida oma lemmikluuletuse oma tuttavatesse keeltesse: esperanto ja La Réunioni saare kreooli keelde.

Mõnda keelde on Ašaltši Oki luuletus tõlgitud rohkem kui ühe korra. Need on eriti põnevad juhtumid, sest mitmed tõlked valgustavad hästi selle keele- ja kultuuriruumi retseptiooni. Pole ime, et seda luuletust on kõige rohkem tõlgitud just vene keelde: Udmurdimaa asub Venemaa südames ja vene keel on seal juba ammu domineeriv keel. Seetõttu on erinevad luuletajad püüdnud edasi anda Ašaltši rahvalaululist võlu.

Ka prantsuse keeles leidub erinevaid tõlkeid. Põhjus peitub selles, et Prantsusmaal on udmurdi kultuuri vastu huvi tuntud juba ammu. Nagu tihti elus juhtub, sai kõik alguse juhusest: 1960. aastal kohtus noor slavist Jean-Luc Moreau üliõpilasvahetuse käigus Moskvast oma ühiselamutoas udmurdiga, kes õpetas talle oma keelt ja tutvustas oma kultuuri. Sellest kasvas välja sügav huvi, mida Moreau suutis hiljem, olles juba soome-ugri uuringute professor, oma üliõpilastele edasi anda. Moreau ise oli samuti luuletaja ning loomulikult ei jäänud ta puutumata Ašaltši luule lummusest.

Kui temalt telliti taskuväljaanne “Venemaa ja Nõukogude Liidu luulet“, valis ta ainsa udmurdi esindajana sinna just Ašaltši Oki, asetades tema luule Puškiniga samasse kogumikku – see oli esimene kord, kui udmurdi luule nii kõrgele tõsteti.

Eestis sai 1996. aastal Arvo Valtonist Soome-Ugri Kirjanduste Assotsiatsiooni esimees ja ta võttis oma südameasjaks soome-ugri kirjanduste vastastikuse tõlkimise. Samal aastal ilmus Virgela kirjastuses tema koostatud kogumik “Enne koitu“, mis tutvustas soome-ugri klassikat ning milles oli terve osa pühendatud Ašaltši Okile.

Soomes ja Ungaris on soome-ugri luule tõlkimisel samuti pikaajaline traditsioon. Aga udmurdi luule tõlkimine esperanto ja La Réunioni kreooli keelde võib olla esmakordne katse udmurdi kultuuri levitamiseks nende keelte levimisaladel.

IV

“Nearby the road”: Translations into different languages

“Nearby the road” is probably the most famous of Ashal’chi Oki’s poems, therefore we have here translations into different languages. It is not surprising that Russian translations are the more numerous. The tradition goes back far: Kuzebay Gerd was Ashal’chi’s first translator into Russian. That’s also not surprising: Gerd studied in Moscow in the Literary Institute, and he studied in Russian. His main teacher was Russia’s famous symbolist Bryusov, and he represented a very serious school: for him, working on poetry was central to the poet’s activity, one had to perfect until the end. It is also natural that once the path had been opened, many Russian poets followed. The Polish translations, on the contrary, were born after the Literary Café in 2023. One French translation was already ready as a rough translation in 2001. The Literary café inspired to create a French text that could be sung and so a second translation appeared. Between 2022 and 2024, Paul/Ava Chouquet studied Udmurt in Paris, and this gave inspiration to translate this poem into languages he had an insight in – Esperanto and La Réunion’s creole.

For some languages there are more than one translation. And these are the most interesting cases: they illustrate well the poem’s reception into a language field. It is not surprising that Russian is the language of most translations: Udmurtia is situated within Russia, and Russian has been long there a dominant language. Different poets have attempted there to transmit the charm of Ashal’chi’s poetry.

In French there are also different versions. They exist because there has long been an interest towards Udmurt culture in France. As it often happens in life, it happened by chance: the chance was that in 1960, when young slavist Jean-Luc Moreau – who became later professor in Finno-Ugric languages – spent one year in Moscow as a trainee (it was the first year of such programme), he had in his college room an Udmurt, who taught him his language and awakened interest for his culture. Later, being a teacher, he was able to transmit this interest to his students. He

was a poet himself, so he could not ignore the seduction of Ashal'chi Oki's poetry. When he was asked to select poems for a pocket *Anthology of Russian and Soviet poetry*, he chose to insert a poem by Ashal'chi, who thus took place alongside Pushkin at the top of Udmurt poetry.

In 1996 in Estonia, Arvo Valton became the president of the Finno-Ugric writers' Association and it became his favourite task to encourage mutual translations: the same year was published in Tallinn, at the publisher Virgela, a collection of Finno-Ugric classical poetry called *Before dawn* (Enne koitu), where a whole part was dedicated to Ashal'chi. Finland and Hungary have a tradition of translating Finno-Ugric poetry. And these experiences of translation into Esperanto and La Réunion creole language are a first occasion to spread Udmurt poetry in those language fields.

IV

“У дороги”: переводы на разные языки

“У дороги” – это, пожалуй, самое известное из стихотворений Ашальчи Оки, поэтому здесь представлены переводы на разные языки. Неудивительно, что русские переводы наиболее многочисленны. Традиция уходит корнями далеко в прошлое: Кузубай Герд был первым переводчиком Ашальчи на русский язык. И это тоже неудивительно: Герд учился в Москве в Литературном институте, и учился он на русском языке. Его учителем был знаменитый российский символист Брюсов, а он представлял очень серьезную школу: для него работа над стихами была главной в деятельности поэта, нужно было совершенствоваться до конца. Естественно, что, как только путь был открыт, многие русские поэты последовали за ним. Польские переводы, напротив, родились после “Литературного кафе” в 2023 году. Один французский перевод уже был готов в черновом варианте в 2001 году. Литературное кафе вдохновило на создание французского текста, который можно было бы петь, и так появился второй перевод. В 2022-2024 годах Польш/Ава Шукке изучал удмуртский язык в Париже, и это вдохновило его на перевод поэмы на языки, в которых он разбирался – эсперанто и креольский язык Реюньона.

Для некоторых языков существует больше одного перевода. И это самые интересные случаи, которые хорошо иллюстрируют рецепцию стихотворения в языковом поле.

Удмуртия находится в составе России, и русский язык долгое время был там доминирующим, поэтому закономерно, что больше всего переводов сделано на русский язык. Разные поэты пытались передать на нем очарование поэзии Ашальчи.

На французском языке также существуют разные версии, что обусловлено давним интересом во Франции к удмуртской культуре. Как часто бывает, все началось случайно, как результат совпадений: случайно то, что в 1960 году, когда молодой славист Жан-Люк Моро, ставший впоследствии профессором финно-угорских языков,

провел год в Москве в качестве стажера (это был первый год такой программы), в его комнате в общежитии жил удмурт, который научил своему языку и пробудил интерес к своей культуре. Позже, став преподавателем, Жан-Люк Моро смог передать этот интерес своим ученикам. Он и сам был поэтом, поэтому не мог игнорировать очаровательность поэзии Ашальчи Оки. Когда его попросили отобрать стихи для карманной “Антологии русской и советской поэзии”, Моро решил вставить стихотворение Ашальчи, поместив ее в один ряд с Пушкиным.

В 1996 году в Эстонии Арво Валтон стал президентом Ассоциации финно-угорских писателей. Он считал своей целью поощрять взаимные переводы: в том же году в Таллинне в издательстве “Виргела” вышел сборник финно-угорской классической поэзии “Перед рассветом” (“Enne koitu”), где отдельная часть была посвящена Ашальчи.

Финляндия и Венгрия имеют долгую традицию переводов финно-угорской поэзии. Однако перевод на эсперанто и креольский язык Ла Реюньон – первый опыт, служащий поводом для распространения удмуртской поэзии в этих языковых пространствах.

EESTI / ESTONIAN / ЭСТОНСКИЙ

Maantee ääres

Maantee veerest
Uhket paju,
Armas isa,
Ära raiu.

Oja kaldalt
Niidult rohtu,
Armas veli,
Ära niida.

Kuldsel põllul
Rukkililli,
Armas sõtse,
Ära nopi.

Künka nõlval
Puhast lätet,
Armas ema,
Ära soga.

Maantee-äärsest
Pajutüvest
Saab kord mulle
Nõtke piht ju.

Laia niidu
Haljast rohust
Kasvavad mu
Kuldsed juuksed.

Rukkililled
Kuldsest viljast
Muutuvad
Mu sinisilmeks.

Künka nõlvast
Voolav läte
On mu kibe
Silmavesi.

Tõlkinud / translated by / перевод Arvo Valton
(Ašaltši Oki 2005: 6–7)

КОМИ / КОМІ / КОМІ

Гӧгрӧс кыдз пу

Гӧгрӧс кыдз пу
Мир туй бердын.
Айӧй, суй бӧр
Коскад чертӧ!

Юяс дорысь
Кустьяс пытшкысь,
Вокӧй, турун
Тэ эн ытшкы!

Лӧз дзоридзьяс
Сюяс пӧвстысь
Эн тэ нетшкы,
Чойӧй, ӧвсьы!

Сьӧд ёль дзольгӧ
Горув расын.
Эньӧй, эн тэ
Пежав васӧ!

Гӧгрӧс кыдзьяс
Мир туй сайын –
Сійӧ менам
Еджыд яйӧй.

Лӧз дзоридзьяс
Сюяс пиын –
Лӧз синъясӧй
Менам сійӧ.

Видзьяс вылын
Небыд турун –
Шöвк юрсийöй
Менам юрын.

Дзольгысь ёльыс
Горув расын –
Уна бöрдöм
Синваясöй.

Tölkinnud / translated by / перевод Ilja Vasj (Vassili Lötkin)
(komikyv.org/kpv/node/29476)

PRANTSUSE 1 / FRENCH 1 / ФРАНЦУЗСКИЙ 1

Au bord du chemin

Père, mon père,
Près de la route,
Ne coupe pas
Ce fin saule élancé.

Frère, mon frère,
Ne fauche pas
Cette herbe au bord
De la rivière.

Ma grande sœur,
Ne prive pas
Le jaune seigle
De ses fleurs bleues.

Mère, ma mère,
Dans la montagne,
Ne trouble pas
La source pure.

Ce saule élancé
Près de la route,
Mon corps un jour
Le deviendra.

Mes blonds cheveux
Seront un jour
Cette herbe verte
Dans la prairie

Dans l'or des seigles,
Tous ces bleuets
Ne seront autres
Que mes yeux bleus.

La source pure
Dans la montagne
Se gonflera
De tous mes pleurs.

Tõlkinud / translated by / перевод Jean-Luc Moreau

PRANTSUSE 2 / FRENCH 2 / ФРАНЦУЗСКИЙ 2

Au bord du chemin

Auprès du chemin
Le saule bouclé.
Mon père,
Ne le coupe pas.

Sur la berge du ruisseau
Sur les prairies
Mon frère (aîné), l'herbe
Ne la fauche pas.

Au milieu de l'orge jaune
Les fleurs bleues
Ma sœur aînée
Ne les cueille pas.

Sous la colline
Une source pure.
Ma mère, son eau,
Ne la trouble pas.

Au bord du chemin
Le bouleau bouclé—
Deviendra
Mon corps.

Sur les prés
L'herbe luisante
Sera pour moi
Ma chevelure blonde

Dans le seigle jaune
Les fleurs bleues
Deviendront
Mes yeux bleus.

Sous la colline
La source pure
Seront, versées par moi,
Mes larmes.

Tōlkinud / translated by / перевод Eva Toulouze
(Ašalči Oki 1978: 12–13)

PRANTSUSE (LAULMISEKS) 3 / FRENCH 3 (SINGING VERSION) / ФРАНЦУЗСКИЙ (ДЛЯ ПЕНИЯ) 3

Au bord du chemin
Le saule bouclé.
Mon père chéri
Ne le coupe pas.

Auprès des ruisseaux
Les vertes prairies,
Mon frère, leur herbe
Ne fauche pas.

Dans le champ doré
De seigle ma soeur,
Le doux bleuet
Laisse-le pousser.

Au pied des coteaux
La source limpide.
Ma mère, sa pure eau
Ne trouble pas.

Au bord du chemin
Le bouleau bouclé –
Bientôt sera
Mon corps élané.

Du pré verdoyant
Les foins chatoyants
Seront bientôt
Mes cheveux dorés

Dans le seigle d'or
Le bleuet des champs
Sera bientôt
Le bleu de mes yeux.

Au pied des coteaux
La source limpide
Seront les pleurs
Versés par mes yeux.

Tōlkinud / translated by / перевод Eva Toulouze
(16.05.2023)

SOOME / FINNISH / ФИНСКИЙ

Tien varressa

Tien varressa
koivu tuuhea.
Älä kaada,
isä, sitä!

Tien varresta,
ahomaalta
älä niitä,
veikko, heinä!

Rukiin seassa
sinikukat.
Älä poimi,
sisko, niitä!

Vuoren alla
kirkas lähde.
Älä nosta,
äiti, vettä!

Tien varresta
tuuhea koivu
ruumiinani
on oleva.

Ahomaiden
hento heinä
hiuksinani
on hohtava.

Ruispellosta
sinikukat
silminäni
avautuvat.

Vuoren juuren
kirkas lähde
kyyneleeni
saa tallettaa.

Tõlkinud / translated by / перевод Raija Bartens
(Suuren Guslin kaiku 1995: 63, 65)

UNGARI / HUNGARIAN / ВЕНГЕРСКИЙ

Út hajlatán

Göndör nyírfa
Út hajlatán.
Ne vágd ki azt,
Édesapám.

Folyó mentén
Zöldellő rét.
Bátyám, ne vágd
Le a fűvét.

Sárga rozs közt
Kék virág nőtt.
Kedves mátkám,
Ne tépd le őt.

Hegyoldalon
Forrás, de szép.
Anyám, ne verd
Fel a vizét.

Göndör nyírfa
Út hajlatán,
Az lesz az én
Testem talán.

Sárguló fű
Réten ha van,
Az lesz az én
Fakó hajam.

Sárga rozs közt
Kék virágok:
Kék szemeim,
Mikkel látok.

Hegy alól ha
Forrás serken,
Az én elsírt
Sok könnycseppem.

Tõlkinud / translated by / перевод Anna Bede
(Asalcsi Oki 2004: 4)

POOLA 1 / POLISH 1 / ПОЛЬСКИЙ 1

U skraju drogi

U skraju drogi
Brzózka wełnista:
Proszę cię, tato,
Ty jej nie tnij.

Znad brzegu rzeki
I z łąk szerokich,
Proszę cię, bracie,
Ty traw nie koś.

W życie złocistym
Kwiaty błękitne:
Proszę cię, siostró,
Ty ich nie rwij.

Pod zboczem góry
Źródło wód czystych:
Proszę cię, mamó,
Ty ich nie mąć.

Ze skraju drog
Wełnista brzoza –
Ona mi będzie
Jak ciało me!

W łąkach szerokich
Trawa błyszcząca –
Włosami będzie,
Co złocą się.

Pośród żyt złotych
Błękitne kwiaty –
Jak oczy będą
Błękitne mi.

Spod górskich zboczy
Źródło bez skazy –
To wypłakane
Przeze mnie łzy!

Tõlkinud / translated by / nepevod Przemysław Podleśny

POOLA 2 (LAULMISEKS) / POLISH 2 (SINGING VERSION) / ПОЛЬСКИЙ (ДЛЯ ПЕНИЯ) 2

Przy drodze

Wariant do śpiewania:

U skrajów dróg

Wetnistych brzoź

;;: Tato, proszę, nie ścinaj.

Znad brzegów rzek,

Gdzie szumi step,

;;: Bracie, nie wykaszaj traw.

Ze skrajów dróg

Gałązki brzoź —

;;: One będą ciałem mym

Szumiący łan

Błyszczących traw,

;;: Złotem będzie włosów mych

Wśród złota żyt

Błękitny kwiat

;;: Siostró, ty go nie zrywaj.

U góry stóp

Źródlanych wód

;;: Mamo, proszę, nie zmacaj.

Wśród złota żyt

Błękitny kwiat

Błękitem będzie oczu mych.

A w cieniu gór
Wód czystych źrój —
;: Bez liku wylane łzy!

Tölkínud / translated by / nepeвод Przemysław Podleśny

ВЕНЕ 1 / RUSSIAN 1 / РУССКИЙ 1

У дороги

У большой дороги
Белая берёза.
Отец мой родимый,
Её не руби.

У прохладных речек
Шелковые травы...
Братец мой любимый,
Их ты не коси.

В жёлтой ржи волнистой
Васильки, как глазки...
Их, сестра родная,
Ты не рви, не рви.

Под горой высокой
Ручеёк хрустальный...
Матушка родная,
Его не мути.

У большой дороги
Белая берёза –
Это стан мой стройный,
Гибкий и красивый.

У прохладных речек
Шелковые травы —
Это мои косы
Пышные, большие.

В жёлтой ржи волнистой
Васильки, как глазки, –
Это мои очи
Синие, как небо.

Под горой высокой
Ручеёк хрустальный –
Это будут слёзы,
Пролитые мной!

Tõlkinud / translated by / перевод Kuzebai Gerd
(Ашальчи Оки 1998: 40–41)

ВЕНЕ 2 / RUSSIAN 2 / РУССКИЙ 2

У дороги

Здесь, у дороги,
Стоит береза...
Отец родимый,
Не тронь ее!

Я умоляю,
Отец родимый,
Траву у речки
Ты не коси!

Во ржи средь поля
Цветы синеют...
Молю, сестрица,
Их не срывать!

А под горою
Ручей прозрачный...
Не надо, мама,
Его мутить.

Одета в белый
Наряд береза,
Как стан мой тонкий,
Она стройна...

А травы, видишь,
Похожи цветом
На золото
Моих волос.

Вон незабудки...
Они сияют,
Как голубые
Мои глаза...

Там, под горою,
Ручей струится –
То слезы льются
Из глаз моих!

Tõlkinud / translated by / перевод Semjon Olender
(Стихи... 1957: 38–39)

ВЕНЕ 3 / RUSSIAN 3 / РУССКИЙ 3

Береза

Береза
Посреди двора.
Отец, ты
Не сруби ее.

В лугах
Высокая трава.
Ты, брат, ее
Не скашивай.

Во ржи
Синеют васильки.
Вы, сестры,
Их не трогайте.

А под горой
Звенят ключи.
Мать, не мути их
Ведрами.

Береза,
Что среди двора,
Мне станет станом,
Милые.

В лугах
Высокая трава
Моими станет
Косами.

Цветы,
Что выросли во ржи,
Глазами
Темно-синими.

А те ключи,
Что под горой,
Слезами будут
Горькими!

Tõlkinud / translated by / перевод Gleb Pagirev
(https://www.iz-article.ru/ash_u_dor_7.php)

ВЕНЕ 4 / RUSSIAN 4 / РУССКИЙ 4

У дороги

Стоит березка
У дороги.
Ты не руби ее,
Отец.

По-над рекой
В траве весь берег.
Ты не коси ее,
Мой брат.

В созревшей ржи
Цветы синеют.
Ты их не рви,
Моя сестра.

А под горой
Родник прозрачный.
Не замути там воду,
Мать.

Березка та,
Что у дороги, –
Ведь тело гибкое
Мое.

Трава,
Что на лугах сверкает, –
Ведь русы волосы
Мои.

Цветы,
Что в желтой ржи синеют, –
Глаза ведь синие
Мои.

А под горой
Родник прозрачный –
Не слезы ль те,
Что я лила!

Tõlkinud / translated by / перевод Aleksei Smolnikov
(https://www.iz-article.ru/ash_u_dor_7.php)

ESPERANTO 1 / ЭСПЕРАНТО 1

Ĉe la vojeto

Ĉe la vojeto
La bukla saliko
Mia patriĉo
Ne ci ĝin tranĉu

Sur la rivereta banko
Sur la herbejetoj
Mia frategiĉo, l'herbo
Ne ci ĝin falĉu.

Inter la flava hordeo
La bluaj floroj
Mia frategino, ĉi ĉion
Ne ci kolektu

Malsupre la monteto
La pura fonteto
Mia patrino, l'akvo
Ne ci ĝin ŝlimu

Randaŭ la vojeto
La bukla betulo
Mia korpo
Fariĝos do

Sur la herbejoj
La brila herbo
Por mi estos mia
Hararo blonda

En la flava hordeo
La bluaj floroj
Miaj bluaj okuloj
Fariĝos do

Malsupre la monteto
La pura fonteto
De mi verŝitaj, estos
Miaj larmoj

Tŭlkinud / translated by / nepeвод Paul Chouquet

ESPERANTO 2 (LAULMISEKS) / (SINGING VERSION) / ЭСПЕРАНТО 2 (ДЛЯ ПЕНИЯ)

Bordaŭ la vojet'
Bukla betulo
Paĉjo ĝin
Vi ne tranĉu

Apud la riveroj
Supre la agroj
Onklo, la herbon
Vi ne falĉu

En la flav' sekal'
La floroj bluaj
Onklin' ilin
Vi ne kolektu

Sube la montet'
La pura fonto
Panjo l'akvon
Vi ne ĝenu

Bordaŭ la vojet'
Bukla betulo
Fariĝos mia
Baldaŭ korpo

Supre la agroj
La brila herbo
Fariĝos mia
Hararo

En la flav' seka'
La floroj bluaj
Fariĝos miaj
Blu' okuloj

Sube la montet'
La pura fonto
Iĝos miaj
Multaj larmoj

Tŭlkinud / translated by / перевод Ava Chouquet

LA RÉUNIONI KREOOL / LA RÉUNION CREOLE / LA RÉUNIONI КРЕОЛЬСКИЙ

Kréol rényoné:

Si lo somin
Boulo bouklé
Papa ali
Ou koupé pa

Prè lo bann rivyèr
Si lo bann karo
Tonton lo lerb
Ou fosé pa

Dann lo sègl zonn
Lo bann flèr blé
Tata azot
Ou kèy pa

Anba lo kolinn
Lo bel sours pir
Momon dolo
Ou troub pa

Si lo somin
Boulo bouklé
Sar dévyin
Mon kor byinto

Si lo bann karo
Lo lerb briyan
Sar dévyin
Mon bann sové

Dann lo sègl zonn
Lo bann flèr blé
Sar dévyin
Mon dé zyé blé

Anba lo kolinn
Lo bel sours pir
Sra mon bann larm
bonpé pléré

Tōlkinud / translated by / перевод Ava Chouquet

V

“Maantee ääres” rahvaluules ja lauludes

Esiteks tuleb mainida, et umbes samal ajal ja sama pealkirjaga ilmus Udmurdimaal üks teine luuletus, mille autoriks on selle ajastu teine suurkuju Kuzebai Gerd, kes korraldas Ašaltši Oki luulekogumiku väljaandmise. Kuigi tegemist on väga erineva tekstiga, toome selle siin siiski ära, sest see demonstreerib huvitavat intertekstuaalsust. Luuletus on väga pikk, tervelt 34 salmi, esitame ainult kümme esimest.

Välitöödel käinud teadlased, kes on eri aegadel uurinud udmurdi külasid, on tuvastanud, et selle luuletuse variatsioonid, samuti väga sarnased, kuid siiski teistsugused tekstitid, elavad edasi ja liiguvad suuliselt ringi. Oleme siia koondanud mõned neist.

Juba 1930. aastatel valis udmurdi kirjanik Mihhail Petrov ühe variandi oma rahvalaulude kogumikku, paigutades selle peatükki “*Куректон*” (“Kannatused”).

V

“Nearby the road” in folklore: Poems and songs

We must start by mentioning that around the same time, another poem with the same title is published in Udmurtia, by the other great character in Udmurt poetry, Kuzebay Gerd, the one who organised the publishing of Ashal’chi Oki’s collection of poems. Although it is very different in its content, we present it here, for it reveals an interesting case of intertextuality. The poem is very long – 34 stanzas – we publish here only the first ten.

Different fieldworkers who have investigated several villages in the Udmurt territory have discovered different versions of this poem moving in other texts, yet very similar to the original.

For example, already in the 1930s Udmurt writer Mikhail Petrov chose to insert one version into his folksong collection, integrated in the chapter titled “Suffering”.

V

“У дороги” в фольклоре: стихи и песни

Нужно отметить, что с тем же заглавием и примерно в то же время, в Удмуртии было опубликовано другое стихотворение, автором которого был Кузубай Герд, второй великий поэт, который осуществил издание сборника Ашальчи Оки. Я представляю здесь и его стихотворение, хотя оно сильно отличается. Это интересный пример интертекстуальности. Текст очень длинный, 34 строфы, здесь публикуется только первые десять.

Полевые исследователи фольклора обнаружили большую вариативность в исполнении стихотворения в разных удмуртских деревнях. При совпадении с оригинальным текстом Ашальчи в основном, в то же время варианты имеют некоторые отличия.

Все приведенные ниже разные варианты собраны в разных регионах.

Например, в 1930 г., Михаил Петров включил один вариант в сборник народных песен в раздел “Страдания”.

Кузубай Герд Сюрес дурын Крезчи, Ижевск 1922

Сюрес дурын

By the road

Бадьпу улын

under the willow

Ньыль серего

a quadrate

Кенер адске.

fence is to be seen.

Tee ääres

У дороги

raju all

под ивой

nelinurkne

квадратная

aedik paistab.

ограда видится.

Кенер шорын

In the middle

Музьем вылын

on the earth

Сажем кузя

a two-meter

Вырйыл жутске

heap rises.

Keset aedikut

В середине

maa real

на земле

ühe sülla

саженный

kühm tõuseb.

бугор поднимается.

Вырйыл улын,

Under the heap

Пеймыт гуын,

in a dark hole

Ой горд солдат

oh, a red soldier

Гробын изе.

in his grave sleeps.

Kühmu all

Под бугром

pimedas augus

в темной дыре

oi punane sõdur

ой, красный солдат

Kirstus magab.

в могиле спит.

Уч кыл ни со,

He does not hear anymore

Уг шõд ни со

he does not feel anymore,

Ta enam ei kuule

Он больше не слышит

ta enam ei tunne,

Он больше не чувствует

Някрес бадьлэсь
the bending willow's

Куашетемзэ.
whisper.

Йырыз солэн
His head

Туй пуляен
is with a lead bullet

Тямысэтй
of the eight's

Пась каремын.
size.

Сюлмыз штыкен
His heart with a bayonet

Кизь пуртэн
his arm with a knife

Бышкаллямын
has been beaten

Пасяллямын.
stabbed.

Шудо, чебер,
For a happy, beautiful

Капчи, шонер,
easy, right

Улон понна
life

Со жугиськиз.
He fought.

Пычал кутса
Taking a rifle

kummarduva rajū
наклоняющейся ивы

sosinat.
шепота.

Tema pea
В его голове

on tinakuuliga
с свинцовая пуля

kaheksanda suurusega
восьмого

augustatud.
калибра.

Tema süda on täägiga

Его сердце,

ta käsi noaga
пробито штыком

löödud
его рука

torgitud.
пронзена ножом.

Õnneliku, ilusa

За счастливую, красивую

kerge, õige
легкую, правильную

elu eest
жизнь

võitles ta.
боролся.

Püssi haarates,
Взял в руку ружье

Фронтэ мынса
going to the front,

Горд власть понна
for the red power

Со быриськиз.
he died.

Вир юисьёс –
The bloodsuckers

Генеральёс –
the generals,

Горд душесэз
captured

Кутылйзы.
the red falcons.

Батыр суйзэ
The hero's arms

Кужмо пыдзэ,
his powerful legs

Жильы кутса
grabbing the chains

Думылйзы.
they binded.

rindele minnes,
идя в фронт

punase võimu eest
за красную власть

suri ta.
он умер.

Vereimejad –
Кровососы

kindralid –
генералы

punaseid pistrikuid
схватили

võtsid kinni.
красных соколов.

Kangelase käed
Руки героя

tema võimsad jalad
его мощные ноги

haarates ahelaid
сдерживаются цепями

rapid nad kinni.
которыми скованы.

Сюрес дурын губырес кызыпу

Сюрес дурын губырес кызыпу By the road, a birch stays humped	Tee ääres on küürus kask, У дороги, береза стоит горбатая
Солэн куарез бабылес. Its leaves are curly	Selle lehed on lokkis. Ее листва кудрява
Гурезь улын чылкыт ошмес, Under the hill a sacred source	Mäe all puhas allikas, Под горой – священный родник
Солэн вуэз – синкыли. Its water are tears (eyewater)	Selle vesi on pisarad. Его вода – слезы
Бусы дурын лыз сяськаед, By the field, blue flowers	Põllu ääres sinised lilled У поля – синие цветы.
Со сяська кадь лыз синмы Like these flowers are my blue eyes	Nagu need lilled mu sinised silmad. Эти цветы – мои синие глаза
Возьвыльёстй чиясь турыи, On the meadow sparkling grass	Niitudel on helkiv rohi, На лугу блестящая трава
Со турыи кадь йырсие. Like this grass is my hair.	Nagu see rohi on mu juuksed Эта трава – мои волосы.

(Петров 1936: 267)



Zavjalovi rajoonis laulab ansambel *Mardzan gurjos* väga sarnast laulu:

In the Zav"yalovo district, the folk ansamble *Mardzhan gur"yos* sings a very similar song:

В Завьяловском районе Удмуртии, народный ансамбль "Марзан Гуръёс" поет очень похожую песню:

Сюрес дурын тӧдъы кызьпу

Сюрес дуртын тӧдъы кызьпу

Along the road there is a white
birch

Tee ääres on valge kask

У дороги белая береза стоит

Сое эн коря, дядие

Do not cut it, father.

Seda ära raiu, mu isa.

Отец, ее не руби.

Сюрес дуртын тӧдъы кызьпу

Along the road there is a white
birch

Tee ääres on valge kask

У дороги белая береза стоит

Со луоз мынам мугоры.

It will become my body

Sellest saab minu ihu.

Она становится моим телом.

Гурезь улын чылкыт ошмес,

Under the hill there is a sacred
spring

Mäe all on puhas allikas

Под горой есть священный родник

Сое эн пожа, нение.

Mother, do not trouble it.

Seda ära sega, mu ema.

Мать, его не муди.

Гурезь улын чылкыт ошмес,

Under the hill there is a sacred
spring

Mäe all on puhas allikas

Под горой есть священный родник

Со луоз мынам синвуэ.

It will become my tears.

Sellest saab minu silmavesi.

Он становится моими слезами.

Чӱж зег полын чагыр сяська

Among the yellow rye there is
a blue flower

Kollase rukki vahel on sinine lill,

Среди желтой ржи растет синий цветок

Сое эн ишка, сузэре

Do not pick it, sister.

Їуж зег полын чагыр сяська

Among the yellow rye there is
a blue flower

Со луоз мынам синъёсы.

It will become my eyes.

Мултан дурын чияльсэ турың,

By Multan, there is sparkling
grass

Сое эн турна, агае.

Do not cut it, (elder) brother

Мултан дурын чияльсэ турың,

By Multan, there is sparkling
grass

Со луоз мынам йырсие.

It will become my hair.

Укно улың учы чирдэ

Under my window a nightingale
sings

Сое эн ыбы, быратэ.

Do not shoot it, my brother

Укно улың учы чирдэ

Under my window a nightingale
sings

Со луоз мынам куарае.

It will become my voice.

Seda ära nopi, mu õde.

Сестра, его не срывай,

Kollase rukki vahel on sinine lill,

Среди желтой ржи растёт синий цветок

Sellest saavad minu silmad.

Он становится моими глазами

Multani (küla) juures on helkiv rohi

Около Мултана (деревня), трава блестит

Seda ära niida, mu (vanem) vend

Ее не коси, (старший) брат

Multani (küla) juures on helkiv rohi

Около Мултана трава блестит

Sellest saavad minu juuksed.

Она становится моими волосами.

Akna all ööbik laulab,

Под окном соловей поет

Teda ära lase maha, mu vend

Его не стреляй, брат

Akna all ööbik laulab,

Под окном соловей поет

Temast saab mu hääl.

Он становится моим голосом.

(Мардзэн гуръёс, Завьялово район, Удмуртия, 2011)



Aga nõnda lauldi sama laulu rahvalikku varianti 1942. aastal Alnaši rajooni Uso külas:

But in 1942, the same song was sung in a folk tune in Uso, a village in the Alnashi district:

Но в 1942 г. такую песню пели в д. Усо Алнашского района:

Сюрес дурын тӧдъы кызьпу...

Сюрес дурын тӧдъы кызьпу,

By the road a white birch

Tee ääres valge kask

У дороги белая береза

Эн но коралля, ой, дядие,

Do not cut it, oh, my father

ära seda raiu, oh, mu isa

Ее не руби, ой, отец.

Эн но коралля, ой, дядие.

Do not cut it, oh, my father

ära seda raiu, oh, mu isa

Ее не руби, ой, отец.

Чӱж зег пушкын лыз сяськаос,

The blue flowers among the rye

Kollase rukki sees sinised lilled

Синие цветы среди ржи

Эн но бичалля, ой, апае,

Do not pick them, my (elder) sister

ära seda nopi, oh mu (vanem) õde

Их не срывай, (старшая) сестра

Эн но бичалля, ой, апае.

Do not pick them, my (elder) sister

ära seda nopi, oh mu (vanem) õde

Их не срывай, (старшая) сестра

Гурезь кузя чияльс турым,

Along the hill, the sparkling grass

Mööda mäge helkiv rohi

На горе блестящая трава

Эн но турналля, ой, агае,

Do not cut it (elder) brother

ära seda niida, oh, mu (vanem) vend

Ее не коси, (старший брат)

Эн но турналля, ой, агае.

Do not cut it (elder) brother

ära seda niida, oh, mu (vanem) vend

Ее не коси, (старший брат)

Гурезь выжийын(ы) чылкыт ошмес,	Mäe jalamil puhas allikas
At the root of the hill, a pure source	Под горой чистый родник
Эн но пождалля, ой, кенаке,	ära seda sega, oh, mu tädi
Do not trouble it, oh, my aunt	Не мути, ой тетя
Эн но пождалля, ой, кенаке.	ära seda sega, oh, mu tädi
Do not trouble it, oh, my aunt	Не мути, ой тетя
Сюрес дурын(ы) тӧдьы кызьпу,	Tee ääres valge kask
By the road a white birch	У дороги белая береза
Со луоз мынам, ой, мугоры,	Sellest saab minu, oh, ihu
It will become oh! my body	Становится ой моим телом
Со луоз мынам, ой, мугоры.	Sellest saab minu, oh, ihu
It will become oh! my body	Становится ой моим телом
Чуж жег пушкын(ы) лыз сяськаос,	Kollase rukki sees sinised lilled
Among the yellow rye blue flowers	Среди желтой ржи синие цветы
Со луоз мынам, ой, синьёсы,	Sellest saavad, oh, minu silmad
They will become, oh, my eyes	Становятся ой моими глазами
Со луоз мынам, ой, синьёсы.	Sellest saavad, oh, minu silmad
They will become, oh, my eyes	Становятся ой моими глазами
Гурезь кузя чияльс турым,	Mäenõlval helkiv rohi
The sparkling grass along the hill	Блестящая трава на горе
Со луоз мынам, ой, йыр(ы)сие,	Sellest saavad, oh, minu juuksed
It will become, oh, my hair	Становится ой моими волосами.
Со луоз мынам, ой, йыр(ы)сие.	Sellest saavad, oh, minu juuksed
It will become, oh, my hair	Становится ой моими волосами.
Гурезь выжийын(ы) чылкыт ошмес,	Mäe jalamil puhas allikas
By the root of the hill the sacred spring	Под горой священный родник
Со луоз мынам синькылие,	Sellest saavad, oh, minu pisarad
It will become oh my tears	Становится моими слезами
Со луоз мынам синькылие.	Sellest saavad, oh, minu pisarad
It will become oh my tears	Становится моими слезами



Kijassovo rajooni Dubrovski külas kuulis endine õpetaja Maria Pavlovna Nikonova sõja ajal järgmist laulu, mis jäi talle meelde:

In the village of Dubrovski (Kiyasovo district), former teacher Maria Pavlovna Nikonova heard this song during the war and she remembered it: here is its tune:

В д. Дубровский (Киясовский район), бывшая учительница Мария Павловна Никонова слышала эту песню во время войны и запомнила с таким мотивом:

Сюрес дурын

Сюрес дурын тōды кызьпу,
Эн но коралля, ой, дядие,
Эн но коралля, ой, дядие.

Сюрес дурын(ы) тōды кызьпу,
Со луоз мынам, ой, мугоры,
Со луоз мынам, ой, мугоры.

Їуж зег пушкын лыз сяськаос,
Эн но бичалля, ой, апае,
Эн но бичалля, ой, апае.

Їуж зег пушкын(ы) лыз сяськаос,
Со луоз мынам, ой, синъёсы,
Со луоз мынам, ой, синъёсы.

Гурезь кузя чиясь турым
Эн но турналля, ой, агае,
Эн но турналля, ой, агае.

Гурезь кузя чиясь турым
Со луоз мынам, ой, йыр(ы)сие,
Со луоз мынам, ой, йыр(ы)сие.

Гурезь выжийын(ы) чылкыт ошмес
Эн но пождалля, ой, кенаке,
Эн но пождалля, ой, кенаке.

Гурезь выжийын(ы) чылкыт ошмес
Со луоз мынам, ой, синькылие,
Со луоз мынам, ой, си

Сюрес дурын

$\text{♩} = 108$

Сю-рес ду - рын төд-ы кызь-пу, эн но ко-рал-ля, ой, дя - ди - е,

эн но ко-рал-ля, ой, дя - ди - е.

Чуж эг пуш-кыч лыз сяь-ка-ос, эн но би-чал-ля, ой, а - на - е,

эн но би-чал-ля, ой, а - на - е.

Гү - резь ку - зя чи-лясь ту-рым, эн но тур-нал-ля, ой, а - га - е,

эн но тур-нал-ля, ой, а - га - е.

Гү-резь вы-жи-йын(ы) чыл-кыт ош-мес, эн но пож-дал-ля, ой, ке - на - ке,

эн но пож-дал-ля, ой, ке - на - ке.

Sto-ree lu-ryin(ы) tõd(ы) kызь-пу, со лу-оз мы-нам, ой, му-го-ры,
со лу-оз мы-нам, ой, му-го-ры.
Чуж зег пуш-кын(ы) лыз сясь-ка-ос, со лу-оз мы-нам, ой, синь-ё-сы,
со лу-оз мы-нам, ой, синь-ё-сы.



Järgmine lugu tuleb Kijassovo rajooni Vuž Salja külast. Seda laulab kohalik folklooriansambel, tekst ei erine Ašaltši omast, v.a salmide järjekord. Laul on lindistatud 1993. aastal ja selle viis on järgmine:

The following tune comes also from the Kiyasovo district of Udmurtia, from the village of Old Sal'ya. It is sung by the local folklore ansamble, and the text does not differ from Ashal'chi's, but for the order of the stanzas. It has been recorded in 1993. This is the tune:

Следующая мелодия обнаружена в Киясовском районе Удмуртии, в д. Старая Салъя. Ее поет местный фольклорный ансамбль и текст не отличается от текста Ашальчи Оли, меняется только порядок куплетов. Записано в 1993 г. Мелодия такая:

◆ «Сюрес дурын баб(ы)лес кызыпу...» ◆ «У дороги кудрявая береза...» ◆ «A curly birchis near the road...»

♩ = 114

Сю - рес ду - рын ба-б(ы)-лес кызь - пу, а - тай со - е э-н(ы)ко - ра.

Сю - рес ду - рын баб - лес кызь - пу, мы - нам лу - оз му - го - ры.

Сю - рес ду - рын баб - лес кызь - пу, мы - нам лу - оз му - го - ры.



Nikolai Postnikovi üldtuntud laul

Variant, mida tuntakse kõikjal Udmurdimaal, on autorilaul, mis on levinud sedavõrd edukalt, et on omandanud rahvalaulu staatuse. Viisi autor on helilooja Nikolai Postnikov (1960) ja seda tunnevad kõik udmurdid. Laulu esitavad nii üksikesinejad, naised ja mehed, kui ka folkloori- ja estraadiansamblid.

Laulu on loodud otseselt Ašaltši Oki tekstile. Ainsaks erinevuseks on salvide ülesehitus: kui Ašaltši luuletuses esitatakse esmalt rida keelde ja alles seejärel antakse seletus ning luuakse seos mina-tegelase ja looduse vahel, siis laulus vahelduvad keeld ja põhjendus. Siin ansambli *Šuldyr džyt* esituses.

Nikolai Postnikov's well-known song

These other versions have been sung in different places.

This one, which is known in all of Udmurtia, is an author's song, which has been so efficiently widespread that it had received the status of a "folk song". The composer is Nikolai Postnikov (born 1960) and all Udmurts know this tune. It is sung individuals, women, men, but also by folklore ensembles and also pop-music groups. This song is indeed created on Ashal'chi Oki's text. The only difference is the order of the stanzas. In Ashal'chi's poem, there are a series of prohibitions, and only afterwards come the explanations and the connections between the hero and nature. In the song, the explanation comes right after the prohibition. Here in the interpretation of the Udmurt group *Shuldyr džhyt*.

Общеизвестная песня Николая Постникова

Песня, которую вся Удмуртия знает как народную, в действительности является авторской, но настолько органичной для национального характера, что приобрела характер хрестоматийной, народной песни. Композитором, написавшим музыку, был Николай Постников (г.р. 1960). Эту мелодию знают все удмурты, поют мужчины и женщины, а также фольклорные и эстрадные ансамбли. Эта песня на самом деле написана на основе текста Ашальчи Оки, единственная разница – порядок куплетов. В стихотворении дается ряд запретов, а потом объясняется связь между героем и природой, в то время как в тексте песни объяснение появляется сразу после запрета. Здесь представляет эту песню удмуртский ансамбль *“Шулдыр жыт”*.



СЮРЕС ДУРЫН

ДЫРТЫҖАК, СЮЛМЫС Кыргызстан Ашшаган Окуму

Сю- рес ду- рын ба- блес кызь- пу, а-
тай, со- е тон эн ко- ра. Шурь-
ёс ду- рысь, возь выль- ё- сьсь, а-
гай, ту- рын тон эн тур- на. Шурь-//на.

Сюрес дурын баблес кызьпу.
Атай, сое тон эн кора.
Шурьёс дурысь, возь выльёсьсь,
Агай, турын тон эн турна.

Сюрес дурысь баблес кызьпу —
Мынам луоз со мугоры.
Возь выльёсьсь чиясь турын —
Мынам луоз ёуж йырсие.

Ёуж зег пёлын лыз сяськаос.
Апай, сое тон эн ишка.
Гурезь улын чылкыт опшмес.
Анай, вузэ тон эн пожа.

Ёуж зег пёлысь лыз сяськаос —
Мынам луоз лыз синъёсы.
Гурезь улысь чылкыт опшмес —
Уно бёрдэм синвуосы!



Lisaks Postnikovile on Ašaltši Oki teksti põhjal loonud viise veel kaks heliloojat. Mõlemad on Prantsusmaalt. Nad avastasid Ašaltši loomingu tänu prantsuse udmurdi-uurijatele Jean-Luc Moreaule ja Eva Toulouze'ile.

Üks neist on Oleg Dronnikov, vene päritolu, kuid Prantsusmaal sündinud ja elanud muusik. Ta lõi oma laulu otse udmurdikeelsele tekstile ja erinevalt tavapärasest viisistamisest arendas välja muusikalise dialoogi klaveri ja vokaali vahel. Algversioon oli tehtud meeshäälele (tenorile), kuid hiljem tegi ta loo naishäälele ning lõpuks ka duetile. Siin on see versioon.

Two composers, in addition to Postnikov, have created music on this text by Ashal'chi Oki. These are two French composers, who have discovered the Udmurt poetess thanks to Jean-Luc Moreau (for Harry Cox) and Eva Toulouze (for Oleg Dronnikov). The difference is that Oleg Dronnikov (who had Russian origins although he was born in France) has composed his lied (a dialogue between the piano and the singing) directly on the Udmurt text. He composed first a singing part for a man's (tenor) voice. Then he adapted the text for a soprano voice and also for a duet. But here we present the original lied.

Кроме Постникова еще два композитора написали музыку на стихи Ашальчи Оки. Это французские композиторы, которые познакомились с творчеством удмуртской поэтессы при посредничестве Жана-Люка Моро (в случае Генри Кокса) и Евы Тулуз (в случае Олега Дронникова). Разница в том, что Олег Дронников (который имеет русское происхождение, хотя родился во Франции) создал свою песню (как диалог между голосом и пианино) на основе удмуртского текста Ашальчи Оки. Музыка была сначала придумана для мужского голоса (тенора), после чего переделана для женского голоса (сопрано), и даже для дуэта. Здесь оригинальная версия:



Сюрес дурын
Ева Тулузлы сянсыбо

Ашлемиз Ошлеш замбарсала

О. Г. Дроздиков

Каллени

Тенор *tr* *mf* *p*

Сю - рес ду - рын Би - биек кыя - ну. А - тей, си - е тон эн кы -
сълэмез вырдытасы

Фортепиано *ff*

Тен. *tr* *mf*

ра - а Шу - ресе ду - рысь Воль мы - лыб - сием.

Фп. *жоггес...* *жог*

Тен. *p*

А тей дурын тын астурын

Фп. *жоггес...* *Жоггес...* *Жог*

Тен.

Фп. *ff* *ff* *ff* *рууак*

2

15
Тен. *Ранее*
он тур-на - а он тур - на - а
милос...

19
Тен. а
Чуж

21
Тен. эг нн лынн лнн
pp

22
Тен. ма он сынн ос А
f

23
Тен. маи он о
pp

Андагга
♩ = 70

24

Тен. *ff*

он - ни - ши - на - тон - ни - ши -

Ф-кл. *pp*

26

Тен. *mf*

на - цури

Ф-кл. *pp*

27

Тен. *f*

дер - до - ши - ши

Ф-кл. *pp*

28

Тен. *f*

ма - ея - са - са - ос - а -

Ф-кл. *pp*

29

Тен. *f*

пай, со - о - го - э -

Ф-кл. *pp*

47 **Жог** Калленгес...

49 **Жоггес...** **Жог**

52 Калленгес...

55 **Жог**

57 Калленгес...

71
Тен. *pp* *mf* Гушк

72
Тен. *pp* жер по - лыш лы -

73
Тен. *pp* мээ си - сыла - ос Мы -

74
Тен. *pp* нам лу - оз лы з -

75
Тен. *pp* мээ си - ыла - сы Калленгес... Гу -

Фп. *pp*

Detailed description: This is a musical score for voice and piano. It consists of five systems, each with a vocal line (Tenor) and a piano accompaniment (Piano). The vocal line is written in a single treble clef staff, and the piano accompaniment is written in two bass clef staves. The music is in a minor key and 3/4 time. The lyrics are in Estonian. The score includes dynamic markings such as *pp* (pianissimo) and *mf* (mezzo-forte). The piano accompaniment features a complex, rhythmic pattern with many sixteenth notes. The vocal line is melodic and expressive, with some notes marked with accents. The lyrics are: 71: Гушк; 72: жер по - лыш лы -; 73: мээ си - сыла - ос Мы -; 74: нам лу - оз лы з -; 75: мээ си - ыла - сы Калленгес... Гу -.

8

77 **Нырмыстай темп**

Тен. *mf*
рыль у - льясь чыл -

Фпн. *mf*
perlé
6 11 10 12

78
Тен. *f*
кыт о - шмос у - но бор - дзы сви -

Фпн. 10 12 13 12

80
Тен.
у - о - сы!

Фпн. *mf*

ВВВ

Kolmanda versiooni Ašaltši Oki luuletuse põhjal on loonud prantsuse-hollandi helilooja Harri Cox (1923–2009), lähtudes Jean-Luc Moreau prantsuskeelsetest tõlgetest. Ta lõi kolm laulu ühe ja sama autori kirjutatud ning ühe ja sama tõlkija tõlgitud kolme teksti põhjal. Teosed on kõlanud kontserdil, kuid neist pole helilindistusi. Allpool esitame ühe versiooni kolmest.

The third version has been composed by Franco-Dutch composer Harry Cox (1923–2009) on Ashal'chi Oki's text's French translation by Jean-Luc Moreau. He thus created three songs on three translations of Udmurt poems of the same author and the same translator. They have been composed and played in concert, but no recording is available. In this book, we present one of the three versions.

Французско-голландский композитор Гарри Кокс (1923–2009) переложил на музыку французский перевод стихотворения Ашальчи Оли, сделанный Жаном-Люком Моро. Он создал три песни на слова самого автора и двух переводов, которые были написаны и представлены в концертах, но не записаны. В этой книге одна из трех версий.

pour Elisabeth Bartin-Farge
Trois Poèmes d'Achaltchi Oki
 - pour mezzo-soprano et piano-

durée totale: 3'35

Traduction de l'Oudmourte
 par Jean-Luc Moreau

Musique de Harry Cox

I. Près de la Route,
 Mezzo-Soprano $\text{♩} = 76$ *mp*
 Piano *affannato*
 Frè - re, mon pè - re, Priède la rou - te, Ne cou pe pas Ce fin bou - leau

6 Mezzo-Soprano *p* *mp*
 Frè - re, mon frè - re, Ne fua che pas Cet-te herbe au bord De la ri-viè - re. Ma gran-de-seur
 Piano *pp* *p*

11 Mezzo-Soprano *p*
 Ne pri-ve pas Le jau - nesi- gle De ses fleurs bleues Mé - re, ma mè - re Dans la mon-ta-gne, Ne trou-ble pas la sour - ce
 Piano *pp*

17 Mezzo-Soprano
 pu - re. Ce fin bou-leau près de la rou - te, Mon corps un jour Le de - vien - dra.
 Piano

22 Mezzo-Soprano
 Mes blonds che-veux Se rount un jour Cette her-be ver - te Dans la prai - ri - e Dans l'ordessei-gles, Tous ces bleu
 Piano *sfz*

2

27

Mes. *es* Nèseront aut-eesQue mesyeux bleus

un peu plus large

Pia.

35

Mes. La sour-ce pu - re dans la mon - ta - gne se gon - fle - ra de tous mes pleurs.

céder

Pia.

péd.

Hos, Paris
17-19 juin, 1998

VI

Mõned teised luuletused ja nende tõlked

Siinse peatüki eesmärk ei ole esitada Ašaltši Oki kogu loomingut, kuigi kogu tema luule mahuks väikesesse brošüüri. Eesmärk on pakkuda väga piiratud, kuid esinduslik valik, mis peegeldab poetessi loomingu eri tahke, ning valitud teoste tõlked erinevatesse keeltesse. Esitatud on neli luuletust, mis kajastavad Ašaltši luule olulisemaid aspekte.

Iga luuletuse juurde on lisatud sõnasõnaline tõlge, et julgustada ja innustada võimalikke tõlkijaid.

Neis neljas luuletuses avalduvad teemad, mis on Ašaltši Oki loomingu olulised. Keskseks jäävad loodus ja inimese seos loodusega. See ilmneb eriti selgelt esimese luuletuse puhul, mida võib pidada Ašaltši *ars poetica*'ks. Pole ka ime – naine luuletab, sest see on tema loomulik hääl. Seda enam saame kaasa tunda poeedi saatusele: tema kodumaa poliitiline olukord sundis teda vaikima – justkui oleks vaikima sunnitud jõgi, kaer või ööbik... See, et Ašaltši ei tundnud enam võimalust ega vajadust luuletada, näitab, kui sügav oli teda tabanud trauma.

Armastusluule hõivab Ašaltši Oki loomingus märkimisväärse koha. Seda enam, et udmurdi naine on tagasihoidlik, ning ühiskond, milles ta elab, ei luba tal oma emotsioone avada. Udmurdi traditsioonis ongi tunded sageli väljendatud laulu kaudu. Luule on aga ise nagu laul... Ašaltši annab kirjasõnas edasi emotsioone, mida ta peab ühiskonna eest varjama. Armastatu seob ta loodusega – tema silmad on nagu mustsõstrad, pale nagu roosa lill, hääl nagu lõokese laul. Valiku teine luuletus on samuti saanud tuntud lauluks. Laulu viisi autor on tuntud udmurdi helilooja German Korepanov, kuid see on rahva seas nii sügavalt juurdunud, et elab rahvalauluna edasi. Rahvas on sellele lisanud kaks salmi, mis on üles ehitatud samal põhimõttel ja mida ei saa siinkohal esitamata jätta.

Loodusearmastus ja tunne, et just looduse keskel on inimese loomulik keskkond, tuleb esile luuletuses “Selles suures linnas”. Võib arvata, et see “suur linn”, kus poetess end nii ebamugavalt tunneb, on Kaasan, kus Ašaltši õppis meditsiini. Suures linnas ta justkui lämbub.

Sama teemat käsitleb ka tema hea sõber Kuzebai Gerd, kuid teisel viisil. Gerd väljendab oma luuletuses pidevat kõhklust: suur linn on tema jaoks põnev, ent samas igatseb ta seal oma küla järele. Külas tunneb ta aga linna järele puudust. Moodne elu, mis tõmbab Gerdi, ei kõneta Ašaltšit. Poetess ei kahtle – tema elu keskpunkt on küla.

Lõpuks pakume ka ühe armastusluuletuse. See näitab, kui kaugele on poetess juba jõudnud kirjakultuuris – tema eneseväljenduse vormiks on kirjutatud sõna, siin kaks kirja. Need kirjad ei ava siiski tema kõige sügavamaid tundeid: seda, mida ta tunneb, väljendab ta üksnes luules, laulus ja võib-olla ka teises kirjas. Ja isegi laul ei ava kõike. Kellele see teine kiri on mõeldud, jääb lugeja enda arvata...

VI

Other poems by Ashal'chi Oki: Translations and songs

The aim here was not to present a wide choice of Ashal'chi poetry, although her whole production would cover a book. Our idea was to present here a very small sample of her poems but meant to reveal the different aspects of Ashal'chi Oki's talent, with the translations in different languages. Here are thus four other poems that reflect central orientations of her poetry.

Every poem has a line-by-line translation, in order to encourage potential translators.

In these four poems, we meet topics important for Ashal'chi Oki's creation. The most significant is nature and the organic connection with nature. It emerges very clearly in the first poem, the one we have already commented, and also in the first of this new list, which I would like to see as the poetess' *ars poetica*. It is not surprising: Ashal'chi writes poems, because they are her natural voice. This brings automatically compassion for her fate: her country political situation compelled her to remain silent which is as unnatural as condemn a river, the oats, the nightingale to silence... That she did not see any more possibility or need to write reveals the depth of her trauma.

Love poetry occupies an important place in her poetry. Especially considering that the Udmurt woman is shy. The society in which she lives does not allow her to express publicly her emotions. By the way, the Udmurt express traditionally their emotions through song... And poetry is also song... Ashal'chi expresses in writing what she must hide from society. She connects her beloved with nature – his eyes are blackcurrants, his face is like a rose, his voice is like the lark's. This poem, the second in our choice, has also become a song. The author is also known, Korepanov is an Udmurt composer, but his work has gone so deep into the people that it lives today as a folksong. And two stanzas have been added, which are absent in Ashal'chi's poem, and are built up on the same principle, and we don't think we may omit them!

Love towards nature and the feeling that the natural environment is within nature is emphasised – a contrario – also in the poem In this big city. We may infer that the big city of this poem, where the poetess feels so uncomfortable, is Kazan, where Ashal'chi studied medicine. In a big city, she suffocates. A similar topic is also treated by Kuzebay Gerd. But how differently! In his poem, Gerd expresses his permanent hesitations. For him, the big city is exciting, but in it he misses his village. But in the village, it is the same thing – he misses the city. Modern life, which attracts Gerd, does not Ashal'chi. Se does not hesitate – at the centre of her life is the village.

Finally, we propose another poem about love, a concrete one: our poetess reveals here, how deeply she has moved towards written culture. Her instrument for self-expression is the letter, here two letters. But yet, they do not express her deepest feelings; what she feels, is expressed only in poetry, in song and perhaps in her second letter... And to whom it is addressed, let the reader imagine it.

VI

Другие стихотворения Ашальчи Оки: переводы и песни

Я не ставлю перед собой цель представить всю поэзию Ашальчи, хотя это заняло бы только маленькую книгу. Моя идея заключалась в том, чтобы представить здесь небольшую выборку ее стихов, но при этом раскрыть различные аспекты таланта Ашальчи Оки с переводами на разные языки. Для этого ниже представлены еще четыре стихотворения, отражающие центральные темы ее поэзии.

Каждое стихотворение снабжено подстрочным переводом, чтобы поощрить потенциальных переводчиков.

Самая важная для Ашальчи Оки тема – природа и органическая связь с ней. Она очень четко прослеживается в стихотворении “У дороги”, а также в первом из приведенных ниже, я рассматриваю его как *ars poetica* поэтессы. Ашальчи пишет стихи, потому что они ее голос. Это автоматически вызывает сострадание к ее судьбе: политическая ситуация в стране вынудила ее молчать, что так же противоестественно, как обречь на молчание реку, овес, соловья. То, что она не видела больше возможности и необходимости писать, показывает глубину ее травмы.

Важное место в ее поэзии занимает любовная лирика. Особенно если учесть, что удмуртская женщина застенчива. Общество, в котором она живет, не позволяет ей публично выражать свои эмоции. Ашальчи выражает в письменной форме то, что вынуждена умалчивать в публичном пространстве. Она ассоциирует своего возлюбленного с природой, его глаза – с черной смородиной, лицо – с розой, голос – с пением жаворонка. Второе стихотворение тоже стало песней. Автор также известен, это удмуртский композитор Г. А. Корепанов, хотя его произведение настолько глубоко “ушло в народ”, что функционирует сегодня как народная песня. Там добавлены две строфы, которых нет в стихотворении Ашальчи, но они построены по тому же принципу, и мы не считаем возможным их опустить!

Любовь к природе и ощущение того, что окружающая среда находится внутри природы, подчеркивается *a contrario* и в стихотворении “В этом большом городе”. Можно предположить, что большой город в этом стихотворении, где поэтесса чувствует себя так неудобно, это Казань, где Ашалчи изучала медицину. В большом городе она задыхается. Похожую тему затрагивает и Кузубай Герд. Но как по-другому! В своем стихотворении Герд выражает свои постоянные колебания. Для него большой город вызывает интерес, но вместе с тем, в нем поэт скучает по своей деревне, хотя и в деревне то же самое – он скучает по городу. Современная жизнь, которая привлекает Герда, не привлекает Ашалчи. У нее нет сомнений – в центре ее жизни находится деревня.

Наконец, еще одно стихотворение о любви, конкретное. Поэтесса показывает здесь, насколько глубоко она интегрировалась в письменную культуру. Ее инструмент самовыражения – письмо, здесь два письма. Но они не выражают ее глубоких чувств; то, что она чувствует, выражается только в поэзии, в песне и, возможно, во втором письме... А к кому оно обращено, пусть догадывается читатель.

Тон юад мынэсьтым

Sa küsisid minult

You asked me

Ты спросил у меня

– **Марлы бен кылбуръёс гожъяськод,**

Miks küll sa luuletusi kirjutad

Why do you write poems

Почему ты пишешь стихотворения

Чик юнме кужымдэ быдтйськод?

Üldse asjata raiskad oma jõudu?

fully in wain you spend your energy?

Совсем ни за что теряешь свои силы?

– **Бен юад-а, юад-а, эше,**

Kas sa küll küsisid, kas sa küsisid, mu sõber

Did you ask, did you, my friend,

Спросил ли ты, спросил ли ты мой друг

Бусыысь чуж кисьмам сезьылэсь,

Niidul küpsevalt kollaselt kaeralt

the yellow oats maturing on the field

На поле созревший желтый овес,

Марлы со уй-нунал чаштыртэ,

Miks ta ööl ja päeval sahiseb,

Why they whisper in the day and in the night

Почему колосья шепчутся день и ночь

Уй-нунал ас понназ вераське?

Ööl ja päeval endaga räägib?

In the day and in the night they speak to themselves?

День и ночь говорят между собой?

Шур вулэсь нош юад-а, эше,

Jõeveelt aga kas küsisid, mu sõber,
To the river water have you asked, my friend,
А воду на реке спросил ли ты, мой друг,

Марлы со дугдылтэк жалыртэ,

Miks ta katkematult vuliseb?
why it gurgles without stopping
Почему она непрерывно журчит

Дугдылтэк ас понназ куаретэ?

Why it makes sounds for itself without stopping?
Katkematult endamisi häälitseb?
Непрерывно для себя издает звуки?

Учыед но тулыс садъёсын

Ja ööbik kevadistes aedades
And to your nightingale in the gardens in summer
И твоего соловья в летним садах

Марлы бен жыт-чүкна весь чирдэ –

Miks küll õhtul-hommikul muudkui laulab
Why in the evenings and in the morning he only sings
Почему он по вечерам и утрам поет,

Тон юад-а сое?

Kas sa seda tema käest küsisid?
Have you asked him that?
Спрашивал ли ты это?

EESTI / ESTONIAN / ЭСТОНСКИЙ

Sa kord küsisid

Sa kord küsisid, "Miks
Aina laulusid kirjutad sa
Jõudu asjata kulutad miks?"

Oled, sõber, kas küsinud ka
Põllul küpsenud kesvake miks
Aina sahisib päeval ja ööl,
Omaette kui laulu ta lööks?

Kas sa jõelt oled küsinud, miks
Ajast igavest vuliseb ta
Ja ei iialgi peatuda saa?

Õöbik kevadel põõsastes miks
Laulu lõputut laksutab kah,
Oled küsinud kas?

Tõlkinud / translated by / перевод Arvo Valton

КОМИ / КОМИ / КОМИ

Тон юад мынэсьтым

ЮАЛИН МЕНСЬЫМ

Менсьым юалін, мыйла ме сыла,
Ог-ö весьшөрö видз ассьым сила.

А тэ юавлін, мыйла век вөрö
Пöльтысь төв улын зарниа зöрыс,
Кодлы лун шөрнас шонді дзирд инмö,
Коді асывнас лысваысь кынмö?

А тэ юавлін, мыйла нö юыс
Оз и үнмовсьлы, васö век нүö
Весиг сэк, кодыр зöридзыс усьö,
Войся лэбач кор син улад усьлö?

А тэ юавлін, мыйла оз надзöн
Дзользы колипкай, енэжö качиг,
Чужан му весьтын мыйла век сьылö?
Тэ юавлін сылысь?

Tölkινud / translated by / перевод Ivan Vavilin

(Уна рöма сикöти: 3-öд сюрсвося поэзия финн-йöгра гижысьяслөн кывбуръяс. Лöсьöдiс В. В. Тимин. Сыктывкар, 2002: 95)

ВЕНЕ 1 / RUSSIAN 1 / РУССКИЙ 1

Ты спросил у меня...

Ты спросил у меня:

– Ну, к чему это пишешь стихи,
Тратишь силы, как вол для сохи?..
А спросил ли, спросил ли, мой друг,
У овса, что созрел на полях,
Ночь и день почему он шумит,
Ночь и день сам с собой говорит?
А у речки спросил ли, мой друг,
Почему она вечно журчит,
Не смолкая струится, бежит?
А весною в садах соловей
Почему распевает с ветвей –
Ты об этом спросил ли, мой друг?..

Tõlkinud / translated by / перевод К. Герд / К. Герд
(1928)

ВЕНЕ 2 / RUSSIAN 2 / РУССКИЙ 2

Ты спросил у меня

Ты спросил у меня, для чего я пою,
Уж не трачу ли попусту силу свою.

А спросил ты, зачем под ветрами
Шелестит золотистый овес,
То согретый дневными лучами,
То продрогший от свежести рос?

А спросил ли ты, друг, у реки,
Почему ей, журчащей, не спится
И тогда, когда спят тростники
И ночные проносятся птицы?

А спросил ли ты, друг, для чего
Заливается песнею звонкой
Соловей над родимой сторонкой?
Ты спросил у него?

Tõlkinud / translated by / перевод V. Semakin / В. Семакин

ВЕНЕ 3 / RUSSIAN 3 / РУССКИЙ 3

Ты спросил...

Ты спросил:

– Для чего ты слагаешь стихи?

Для чего ты расходуешь силы свои?

А спросил ли ты, милый,

У спящей ржи,

Для чего шум колосьев?

Спросил ли, скажи!

А спросил ли у ветра,

Для чего этот гул?

У травы – для чего шелестит на лугу?

Соловья ты спросил ли,

Зачем он поет

Всю весеннюю, светлую ночь напролет?

Tõlkinud / translated by / перевод Т. Zhirmunskaja / Т. Журмунская

ВЕНЕ 4 / RUSSIAN 4 / РУССКИЙ 4

Ты спросил

Ты спросил,
Почему я слагаю стихи,
Трачу время и чувства на пустяки.

А спросил ли, мой друг,
А спросил ли ты сам
У растущего в поле овса,
Почему он всю ночь напролет шелестит,
Почему сам с собой говорит?

А спросил ли,
Спросил у лесного ключа,
Почему он бежит, клопоча?

И весной почему неизменно
Соловьиные слышим колена –
Ты спросил ли?

Tõlkinud / translated by / перевод V. Shirokov / В. Широков

ВЕНЕ 5 / RUSSIAN 5 / РУССКИЙ 5

Ты спросил у меня

Ты спросил у меня:

– Почему ты все пишешь стихи,
Только зря тратишь силы свои?

А спросил ли, спросил ли ты, друг,
У овса, что созрел на полях,
Почему он шумит день-деньской,
День и ночь не смолкает порой?

А у речки ты спрашивал, друг,
Почему она вечно журчит,
Неустанно с собой говорит?

Почему по утрам, вечерам
Соловей распевает весной –
Ты спросил его, друг?

Tölkínud / translated by / перевод А. Smol'nikov / А. Смольников

PRANTSUSE / FRENCH / ФРАНЦУЗСКИЙ

Tu m'as demandé

Tu m'as un jour demandé
"Pourquoi écris-tu des poèmes,
Pourquoi user tes forces pour rien?"

As-tu jamais demandé, mon ami,
A l'avoine mûrie sur le champ
Pourquoi nuit et jour elle chante
Et se raconte des histoires?

Et le ruisseau, mon ami, lui as-tu demandé
Pourquoi ses eaux sans cesse murmurent
Pourquoi il bruisse tout le temps ?

Et au printemps, pourquoi le rossignol
Soir et matin sur la branche fredonne?
Le lui as-tu demandé, mon ami?

Tõlkinud / translated by / перевод Jean-Luc Moreau

Нюлэскы ветлыкум...

Нюлэскы ветлыкум,

Metsas käies

When I go to the forest

Когда я в лес хожу

Сьёд сутэр бичакум,

Mustsõstart korjates

When I gather black currants

Когда я черную смородину собираю

Сьёд сутэр синьёстэ

Sinu mustsõstrasilmi

Your black currant eyes

Твои глаза как черные смородины

Мон тодам ваисько.

Ma meenutan.

I remember

Я вспоминаю.

Возьёсыз турнакум,

Niidul niites

When I scythe on the meadows

Когда я кошу на лугах

Льоль сяська адзыкум,

Roosat lille nähes

When I see a pink flower

Когда я вижу розовый цветок

Льоль сяська бамьёстэ

the pink flower like your face

sinu roosat lillepõske

Твое лицо как розовый цветок

Мон тодам ваисько.

I remember.

Ma meenutan.

Я вспоминаю.

Бусыын гырыкум,

Põllul kündes

When I plough the field

Когда я поле пашу

Тюрагай кылыкум,

Lõokest kuuldes

When I hear the lark

Когда я слушаю жаворонка

Тюрагай куарадэ

Sinu lõokese häält

Your voice like a lark's

Твой голос как голос жаворонка

Мон тодам ваисько.

Ma meenutan.

I remember

Я вспоминаю.

Гурезь ултй ветлыкум,

Kui ma käin mäe all

When I walk under the hill

когда хожу под горой

Согьяськисез адзыкум,

kui ma näen (lina) kammijat

when I see somebody combing (flax)

когда вижу расчесанный лён

Їуж мертчан йырсида

kollane nisu sinu juukseid

the yellow flax your hair

Жёлтые, как волокна льна, волосы твои

Мон тодам ваисько.

Ma meenutan

I remember

Я вспоминаю.

Ву дуртй но ветлыкум,

Kui ma käin mööda vett

When I walk along the water

Когда я хожу у воды

Ву ваисез адъыкум,

ja näen keda toob vett

and I see somebody bringing water

когда вижу водоноса

Веськырес мугордэ

sinu sale koħa

your slender body

твой стройный стан

Мон тодам ваисько.

Ma meenutan

I remember

Я вспоминаю.

КОМІ / КОМІ / КОМИ

Вөръясті ветлігөн...

Вөръясті ветлігам,
Сьöd сэтөр вотігам
Сьöd сэтөр синъясыд
Тöd вылө усины.

Видз вылын ытшкигөн,
Чим гөрд чвет аддзигөн
Гөрд дзоридз банъясыд
Тöd вылө усины.

Ыб вылын гөригөн,
Колипкай кывзигөн
Колипкай дзользьöмыд
Тöd вылө уси мем.

Tõlkinud / translated by / перевод III'a Vas' (Vasilij Lõtkin)
(1928, Ордым 9)

EESTI / ESTONIAN / ЭСТОНСКИЙ

Kui metsa lähen ma
Kui metsa lähen ma
Mustsõstraid korjama,
Su sõstrasilmi siis
Ma vaikselt meenutan.

Kui niidan, vikat käes,
Ja roosat õit ees näen,
Su õitsvat palet siis
Ma vaikselt meenutan.

Kui künnan põllu peal
Ja kuulan lõokest seal,
Su häälekõla siis
Ma vaikselt meenutan.

Tõlkinud / translated by / перевод Arvo Valton

ВЕНЕ 1 / RUSSIAN 1 / РУССКИЙ 1

Когда в лесах гуляю

Когда в лесах гуляю,
Смородину собираю, —
Смородинки-глаза
Тогда я вспоминаю.

Когда кошу траву я,
Цветы косою волную, —
Твоё лицо — цветок
Тогда я вспоминаю.

Когда пашу, веселье:
Льёт жаворонок трели, —
Твой жаворонка голос
Тогда я вспоминаю.

Tõlkinud / translated by / перевод К. Gerd / К. Герд

ВЕНЕ 2 / RUSSIAN 2 / РУССКИЙ 2

“Когда в лес прихожу“

Когда в лес прихожу
Я смородину брать,
Блеск смородинных глаз
Вспоминаю тотчас.
Когда луг я кошу,
Вижу алый цветок –
Алый цвет твоих щёк
Вспоминаю, дружок.
Когда поле пашу,
Тюрагая слышать –
Тебя, мой тюрагай,
Вспоминаю опять.

Tõlkinud / translated by / перевод А. Smol'nikov / А. Смольников

ВЕНЕ 3 / RUSSIAN 3 / РУССКИЙ 3

Вспоминается мне

Брал смородину я
У лесного ручья,
Вспомнил очи твои –
Где ты, радость моя?

Как взгляну по весне
На шиповник в огне,
Твой румянец густой
Вспоминается мне.

Я за плугом весной
Прохожу бороздой, –
В пеньи жаворонка
Голос чудится твой.

Tõlkinud / translated by / перевод V. Semakin / В. Семакин

ВЕНЕ 4 / RUSSIAN 4 / РУССКИЙ 4

Вспоминаю я

Сморородину ль я
Собираю в лесу,
Чёрны очи твои
Вспоминаются мне.

Вижу ль алыи цветок
На покосе в росе,
Алы губы твои
Вспоминаются мне.

Иль на пашне весной
Тюрагай запоёт,
Голос твой на заре
Вспоминается мне.

Вижу ль я под горой,
Треплют льна волокно,
Шёлк волос золотых
Вспоминается мне.

Иль увижу я девушку,
Как идёт за водой,
Стройный, гибкий твой стан
Вспоминается мне.

*Tõlkinud / translated by / перевод Valentina Chirkova / Валентина
Чиркова, 15.04.2022*

PRANTSUSE / FRENCH / ФРАНЦУЗСКИЙ

Quand je vais dans le bois...

Quand je vais dans le bois
Ramasser des myrtilles,
De tes yeux de myrtilles
Je me souviens toujours.

Quand je fauche le pré,
Le pré rose de fleurs,
Du rose de tes joues
Je me souviens toujours.

Quand je trace un sillon,
Quand j'entends l'alouette,
De ta voix d'alouette
Je me souviens toujours.

Tõlkinud / translated by / перевод Jean-Luc Moreau



Udmurdimaal sai üldtuntuks üks viis, mille autor on üks tuntumaid udmurdi heliloojaid German Korepanov (1924–1995). Siin kaks erinevat esitlust: esimene meeste häältega, laulab meeskviintett Ordži; teises laulab Nadežda Leonteva. Allpool selle noodid:

This tune is generally known from one of Udmurtia's most famous composers, German Afanas'evitsh Korepanov (1924–1995). Here, two interprétations, one by a male quintet, called Orddzhi, the other by Nadezhda Leonteva. Below, the notation:

Эта мелодия общеизвестна в Удмуртии, и ее композитор – один из самых знаменитых в республике, Геннадий Афанасьевич Корепанов (1924–1995). Здесь две интерпретации: мужского квинтета “Ордži”, и Надежды Леонтьевой. Внизу, ноты:



texte
Ashal'tshi Oki

131 Mon todam vaish'ko
(oudmourte)

musique
G. A. Korepanov

$\text{♩} = 100$

Soprano

n'u-les-ky no vèt-ly-kum sh'èd su - ter b'i-tsha - kum
(voz'-io-syz no tur-na-kum l'èl' sh'ash'-ka ad-z'y - kum
bu-sy-yn no gy-ry-kum t'u - ra -)gaï ky-ly - kum

Alto

sh'èd su - ter b'i-tsha - kum
(l'èl' sh'ash'-ka ad-z'y - kum
t'u - ra -)gaï ky-ly - kum

5

S

sh'èd su - ter sh'in-ïos - te _____ mon-to-dam_ va - ish' ko
l'èl' sh'ash'-ka bam'ïos - te _____
t'u - ra - gaï kua-ra - de _____

A

sh'èd su - ter sh'in-ïos - te _____ mon-to-dam_ va - ish' ko
l'èl' sh'ash'-ka bam'ïos - te _____
t'u - ra - gaï kua-ra - de _____

T

sh'èd su - ter sh'in-ïos - te sh'in -ïos - te mon-to-dam_ va - ish' ko
l'èl' sh'ash'-ka bam'ïos - ta bam'ïos - te
t'u - ra - gaï kua-ra - de kua - ra - de

9

S

sh'èd su - ter sh'in-ïos - te _____ mon-to-dam_ va - ish' -
l'èl' sh'ash'-ka bam'ïos - te _____
t'u - ra - gaï kua-ra - de _____

A

sh'èd su - ter sh'in-ïos - te _____ sh'in-ïos - te mon-to-dam_ va - ish' -
l'èl' sh'ash'-ka bam'ïos - te _____ bam'ïos - te
t'u - ra - gaï kua-ra - de _____ kua - ra - de

T

sh'èd su - ter sh'in-ïos - te _____ mon-to-dam_ va - ish' -
l'èl' sh'ash'-ka bam'ïos - te _____
t'u - ra - gaï kua-ra - de _____

B

sh' - ïos - te sh'in-ïos - te mon va - ish'
ba - m'ïos - te bam'ïos - te
kua - ra - de kua - ra - de

2

12

S. ko _____ voz'-lo-syz no tur-na-kum l'él'sh'ash'
bu-sy-yn no gy-ry-kum t'u - ra

A. ko _____ l'él'sh'ash'
t'u - ra

T. mon to-dam va-ish' - ko. mon to-dam va - ish' - ko.

B. ko mon va-ish'ko. mon to-dam va-ish' - ko.

Coda

13

A. ko _____

T. mon to - dam va - ish' - ko.

B. mon to - dam va - ish' ko.

Нюлэскы но ветлыкүм,
Сьбд сүтэр бичакүм
Сьбд сүтэр сийһэстэ
Мон тодам ваисько.
Возьёсыз но турнакум,
Льбль сяська адзыкүм
Льбль сяська бамьёстэ
Мон тодам ваисько.
Бусыын но гырыкум,
Тюрагай кылыкүм
Тюрагай куарадэ
Мон тодам ваисько.

N'ulesky no v'etlykum
sh'éd suter bitsh'akum
sh'éd suter shinioste
mon todam vaish'ko
Voz'iosyz no turnakum
l'él' sh'ash'ka adz'ykum
l'él' sh'ash'ka bam'oste
mon todam vaish'ko
Busyyn no gyrykum
t'uragai kylykum
t'uragai kuarade
mon todam vaish'ko

En allant dans la forêt
cueillir des cassis
les cassis sont tes yeux
je me souviens
en fauchant la prairie
et voyant les fleurs
les fleurs sont tes joues
je me souviens
en labourant le champ
j'entends l'alouette
l'alouette a ta voix
je me souviens

Та бадзым городын

Та бадзым городын

Selles suures linnas

In this big city

В этом большом городе

Югытэсь уйёсын

Valgetel öödel

in the white nights

белыми ночами

Оломарлы уг лу

Millegipärast ei saa

for some reason I cannot

почему-то не могу

Жыт умме усеме.

Õhtul unne vajuda

in the evening fall asleep.

вечером уснуть.

Шонересь ульчатй,

Mööda sirgeid tänavaid

Along straight streets

По прямым улицам

Из юртъёс вöзьёстй,

Kivimajadest mööda

along stone houses,

возле каменных домов

Ветлйсько уйшорозь,

Ma kõnnin keskööni

I walk until midnight

я хожу до полуночи

Пыдъёсы жадьытозь.

Kuni jalad väsivad

until my legs are tired

Пока ноги не устанут.

Мон вöзтй калыкьёс

Minust mööda rahvast
By me the people
Возле меня народа

Туж уно ортчыло,

Väga palju läheb
walk, very numerous
очень много ходит

Оломар куарето.

Räägivad teab mida.
they say nobody knows what
неизвестно, что скажут.

Мон, удмурт ныл, огнам

Mina, udmurdi neiu, üksi
I am alone, Udmurt girl,
Я одна, удмуртская девушка,

Малпасько ас поннам

Mõtisklen omaette
I reflect by myself
размышляю сама по себе

Лудьёсме, тэльёсме,

Oma põldude, oma metsade üle
About my fields, about my forests
о своих полях, о своих лесах,

Кыдёкысь гуртьёсме.

Oma kaugete külade üle
about my distant villages.
о своих далеких деревнях.

Та бадзым городын

Selles suures linnas
In this big city
В этом большом городе

Югытэсь уйёсын

Valgetel öödel
in the white nights
белыми ночами

Жожомем сүлэмам

Mu nukrasse südamesse
in my sad heart
в моем грустящем сердцем

Кылбурьёс жужало...

Luuletused tulevad
poems emerge
стихотворения поднимаются.

Оломарлы соос

Millegipärast nood
For some reason
Почему-то

Та жокыт городын

Selles lämbes linnas
In this stifling city
В этом душном городе

Салкымын быдэсмем

Nad on jahedas kasvanud
they are similar to flowers
они похожи на цветы

Сяськалы укшало.

Lilled moodi.
Matured in the cold.
созревшие в холоде.

[1924]

EESTI / ESTONIAN / ЭСТОНСКИЙ

Suures linnas

Ümber helendav öö
Suures linnas ma käin
Miskipärast mul näib
Et ei uinuda saa.

Kivimüüridest sein.
Mööda tänavaid neid
Hilisööni ma käin
Jalad väsinud all.

Rahvas mööda must käib
Aina mööda neid käib
Arusaamatu rutt
Kostab tundmatu jutt.

Olen üksinda siin
Üks udmurditar eks,
Kallal meenub ta mets,
Kauge küla ja niit.

Ümber helendav öö
Suures linnas ma käin
Haavul südames mul
Sünnib luulet, kui näib,

See vaid pimedais õis
Varjus kasvanud õis,
Mis sünnib mu rinnas
Ses lämbuvas linnas.

Tõlkinud / translated by / перевод Arvo Valton

ВЕНЕ / RUSSIAN / РУССКИЙ

Здесь в больших городах

Здесь в больших городах
По ночам никогда
Почему то уснуть
Я никак не могу.

И вдоль улиц прямых
Средь домов, среди тьмы
До полночи хожу
Устаю, но брожу.

Вереницы людей
Мимо быстро идут,
Мимо быстро идут,
Разговоры ведут.

Я, вотячка, одна
Вспоминаю поля,
Наши гурты* и лес,
Синь далеких небес.

Здесь в больших городах
По ночам, как всегда,
В бедном сердце моём
Расцветают стихи.

Но зачем то они
Здесь в больших городах,
Как цветы, что в тени
Бледно так расцвели.

*Гурты – деревни

Tõlkinud / translated by / перевод с вотяцкого К. Gerd / Кузубай Герд

PRANTSUSE / FRENCH / ФРАНЦУЗСКИЙ

Dans cette grande ville...

Dans cette grande ville,
Lorsque les nuits sont claires,
Dieu sait pourquoi le soir
Je ne peux pas dormir.

J'arpente l'avenue
Aux immeubles de pierre,
Jusqu'au coeur de la nuit,
Jusqu'à n'en plus pouvoir.

Après de moi, la foule
Passe, passe, innombrable
Passe, passe, innombrable,
Disant je ne sais quoi.

Moi, seulette, je songe,
Oudmourte que je suis
A mes bois, à mes champs,
A mes lointains villages.

Dans cette grande ville,
Lorsque les nuits sont claires
Des poèmes se lèvent
Dans mon cœur affligé.

Je ne sais pas pourquoi,
Dans la ville étouffante,
Ils sont comme des fleurs
Que le gel a tuées.

Tōlkinud / translated by / перевод Jean-Luc Moreau

UNGARI / HUNGARIAN / ВЕНГЕРСКИЙ

Idegen városban

Idegen városban
világos éjeken,
sohasem nyughatok,
sehogy sem alhatok.
Egyenes útjain,
háztömbök árnyain
éjfélíg csavargok,
fáradtan bolyongok.
Emberek tömege
mellettem elrohan,
mellettem elrohan,
kiáltoz hangosan.
Udmurt lány, fulladok,
falumra gondolok,
erdőkre-rétekre,
virágos-szépekre.
Idegen városban,
világos éjeken,
szívemben dallamok
virágként nyílnak,
nyomasztó városban,
sápasztó árnyékban,
kinyílnak hirtelen.
Viráguk vértelen.

КЫК ГОЖТЭТ

Мон толон гожъяськи –

Ma eile kirjutasin
Yesterday I wrote
Вчера я писала

Кык гожтэт мон гожтй:

Kaks kirja ma kirjutasin
Two letters I wrote
Два письма написала

Одйгэ гожтэтме

Üht oma kirja
One of my letters
Одно мое письмо

Одйг час мон гожтй,

Tund aega ma kirjutasin
A wrote during one hour.
Я писала час

Кыктэйтй гожтэтме

Teist oma kirja
The second of my letters
Второе мое письмо

Уез уйбыт гожтй.

Terve öö kirjutasin
A wrote all the night long.
Я писала целую ночь

Одйгэ мон гожтй

Ühte ma kirjutasin
One of them I wrote
Одно я написала

Төдыё кагазэ,

Valgele paberile
On white paper.
На белой бумаге.

Нош чагыр кагазэ

Kuid sinisele paberile

But on blue paper

Но на синей бумаге

Мон гожтй мукетсэ.

Ma kirjutasin teise.

I wrote the other

Я написала другое.

Одйгаз гожтэтам

Ühte kirja

In one of my letters

В одно из писем

Мон ой поны сяська,

Ma ei pannud lille

I did not put any flower

Я не положила цветок

Кыкетй гожтэтам

Teise kirja

In the other letter

Во второе из писем

Лыз сяська мон понй.

Sinise lille ma panin.

I put a blue flower.

Я положила синий цветок.

Одйгэ мон гожтй

Ühe ma kirjutasin

One letter I wrote

Одно я написала

Туж капчи мылкыдын,

Väga kerge meelega

In a very light mood.

С очень легким настроением.

Мукетсэ гожтэтам

Teist oma kirja

The other of my texts

Другое из писем

Мон гожтй синкылиен.

Ma kirjutasin pisaratega.

I wrote with my tears.

Я написала слезами.

Огезлэн пумитаз

Ühele vastuseks

As an answer to the first

В ответ на первое

Мон басьто, дыр, гожтэт,

Ma saan vist kirja.

I shall receive, probably, a letter.

Я, наверное, получу письмо.

Кыкетй гожтэтам

Teisele kirjale

To the second of my letters

В ответ на второе

Уз, уз лыкты ответ!

Ei, ei tule vastust!

Нет, не придет ответ

No, there will be no answer.

Одйгэ гожтэтме

Ühe oma kirja

One letter

Одно письмо

Мон гожтй эшелы.

I wrote to a friend

Ma kirjutasin sõbrale

Я написала другу

Кыкетй гожтэтме –

Teise oma kirja –

The second of my letters

Второе письмо

Мон уг вера кинлы...

Ma ei ütle, kellele...

I don't say to whom...

Не скажу кому...

EESTI / ESTONIAN / ЭСТОНСКИЙ

Kaks kirja

Kirjutasin neile
Kaks kirja eile:

Ühte kirjutasin
Vahest tund üks kasin
Teist ent terve öö ma
Kirjutasin tööna.

Ühe sirgeldasin
Valge lehe peale;
Teise kirjutasin
Sinisele, heale.

Kirja esimesse
Õit oh panna milleks,
Teise kirja sisse
Peitsin sinilille.

Ühte kirjutasin
Kergel toonil seega;
Teist ent niisutasin
Ohtra silmaveega.

Ühe kirja sulen
Vastust ette teades,
Teisele ei tule
Vastust aga eales.

Esimese kirja
Sõbrale ma saatsin
Kes saab teise kirja
Ma ei ütle saati.

ВЕНЕ / RUSSIAN / РУССКИЙ

Два письма

Я писала вчера,
Два писала письма.
Я одно-то письмо
Написала за час.
Над вторым-то письмом
Ночка вся пронеслась.
Я одно-то писала
На белом листке,
А другое писала
На синем листке.
Я в одно-то письмо
Не вложила цветок,
А в другой вложила
Я синий цветок.
А второму письму –
Не откроюсь к кому

Tölkínud / translated by / перевод А. Smol'nikov / А. Смольников

VII Ašaltši Oki: mälestused

VII Ashal'chi Oki: Memories

VII Ашальчи Оки: воспоминания

Мынам абие (пичи дырез тодэ ваён)

Пичи дырме тодэ вайисько ке, улэп кадь пуксе син азым абие. Со – губырес мугоро, көсэктэм, кузялэс бамо пересь кышномурт. Солэн вылаз толэн но гужемен саестэм горд зыбын, пыдъёсаз гын ката, Азыкышет калаз абилэн думемын пичи гинэ горд кискач – синлыс ишкон маке.

Аби нунал кельтыса кадь синлыссьёссэ ишке: толалтэ – гулбечын, гужем – өс сьöрын, корказын. “Малы, аби, синлыстэ ишкаськод?” шуыса, юасько но “ишкем потэ” шуэ.

Аби ныр тамак зынъя. Зынъякуз кизынылэ. Тамак возён пичи гинэ кузялэс лянэссэ аби зыбын кисыяз нуллэ.

Анай уг яраты абиез. Со уг лэззы абиме нянь пыжыны но, сиён пöсьтыны но. Юрдйсько, шуэ. Тараканъёс, пе, пыро пуртыын пöзьтэм сиён пöлаз но, нянь шумесаз но. Синмыз, пе, пыр-поч уг адзы. Кудзэ адземзэ но öй адзы, пе, шуэ. Юрдонэз уг вала, пе.

Мон нош абилэсь уг юрдйськы, Мон сое яратйсько,

Ныр тамак түзон зынъяменыз, абилэн нырпелесьёсыз вожпыръем-сьöд, күрмем луэ. Мыным соиз но мүсо потэ. Зэм ик, яратон мурт шуш ке но, чебер адзиське.

Анаен абиос куспазы керето ке, мынам, пичи муртлэн, мылкыд пилемаське, бöрдэм потэ. “Мед яратысал анай абиме мон кадь ик!” - ас поннам малпасько.

Абие куное ветлыны яратэ. Сое тырос корка öтчало. Со гурт пуме но вуэ. Абилэн уромъёсыз зүч пöлын, бигер пöлын но вань. Анай абиез калгись шуэ. Возьытэз, пе, öвöл: олокин доры но вуэ.

Куноын аби тужгес чай юыны яратэ. Со чаез ньыль-вить чашка юэ.

Куноысь бертэм бераз аби сектамзэс вера: “Эй та Параска, – шуэ, –

йӧназ адями ӧвӧл со: чайзэ кизе-е-ер сектаз“, Мукет дыръя нош туж ушъя кыче ке кышномуртэ. “Эй – шуэ со – Катёк ортчыт умой адями, дунне адями: чайзэ на-а-ап сектаз!“.

Кизер но нап шуон кылъёсыз аби кузь лэзьыса вера.

Ми – корка пушкын трос нылпи. Кенаклэн одйг гинэ вож нуньез вань. Анайлэн нылыз-пиез вить кузя. Соос пӧлысь мон ваньмызлэсь пичи – нянь шумес пыдэс. Соин монэ эркеяло. Эрке муртлы мар ке но луэ. Я эшъёс вӧсь каро, я жазег чепыльтэ, я пыдпыдэсэ шырпу пыре. Кинлы сыче дыръя жожтйськод? Абины.

Анай уг ваньмы, Солы монэн йырин ӧвӧл. Со нянь пыже, сиён пӧзьтэ, пудо утялтэ, азбарысь корка пыраса-потаса уг ваньмы. Сильтӧл кадь шаплы ветлэ. Анай монэ жыт валес вылэ выдэм бераз вешаны ваньме. Нуназе мон аби котырын. Огвамыш но уг кылиськы солэсь. Куное мыныкуз но, монэ аби куддыръя сьӧраз басьтэ. Мон яратйсько абиен куное ветлыны. Куноын яке пельмен, яке тари жүкен пуньмам сето. Огпол Палька Васяос дорын чечыен чай но сектазы.

Анай монэ “абиед кадь ик калгись луод“ шуэ. Ъок, мед луо калгись. Калгыны мыным умой потэ.

Мон чем висисько: я синмы урзектэ, я гижло-пӧськы потэ, я пель пушкам орбо-таракан пыре. Кинлы жожтйськод? Абины. Со мыным котьку но “первой помощь“ сётэ. Пель пушкы урбо-таракан пыре ке, мон тэтчаса черекъясько. Аби пель пушкам кенэм вӧй лэзе. Урбо-таракан вӧй пӧлын лопыръяське-лопыръяське но кулэ. Пельпуш соку висемьсь дугдэ.

Син урзектыса висьыку, чукна сайкасько но, синъёсме усътэмэ уг луы, Синлысьёс куасьмем урен лякисько. Кинлы жожтйськод? Абины. Со шуэ: “марлы бӧрдйськод? Тон пичи ӧвӧл ни. Синъёстэ котты дыльдыеныд но, ӧжыт улыса, дэременид чӧшылы, Соку синъёсыд усътйськозы“. Со валэктэмъя карисько, но – синъёсы усътйсько.

Чем висисько мон лыдон черен но. Кормаськыса калы быре. Уйин но сайкасько, бӧрдйсько. Тужгес ик лыдо чиньы висьёсы. Киосме кормасько-кормасько но, ку висказ уро пулььюс жужало. Кудйз уро пульы кӧжы быдӗа, кудйз пушмуллы быдӗа жужа. Туж висё со уро пулььюс. Кинлы тэльмырод? Нош абины. Жыт изыны выдон азын аби киосме нашта шумесысь чырс нянен. Собере зустариен бинэ. Чукна уро пулььюс пӧсьтыло но висемьсь дугдо.

Мынам эше Оринька. Со мынэсьтым абиме ведйн шуэ. Оринька ас синмыныз адзем: абиед, пе, куреглы берыктиськиз но капка ултй урамэ потйз. Пырак пе, милям азбаре пыриз. Собере, Оринькалэн верамезъя, куреггёссы тыпак пузамысь дугдйллям. Зэм ик ведйн, дыр, абие: ортчйт трос тодэ, вань висёнёсыз эмъяны быгатэ!

Мон куанйсько, абие ведйн шуыса. Мынам соин йыры вылын. Зэм ик, эшгёслэн огзылэн но – Оринькалэн, Веркалэн, Варалэн – абизы ведйн өвёл.

Бадзым ке будй, мон но ведйн луо. Котькинлы берыктиськыны быгато. Мон жазеглы берыктисько. Только пичиосыз мон уг кышкатъя, уг чепылля. Вань бускельын аджонтэм мурт: вуриськись Горд Чимок. Монэ адземез ик уг луы – исаське: “Та Окиез Павыллы сётон, – шуэ, – чюказе сюан лэсьтон”. Кёт уг веська! Кулыны но уг вормы со Горд Чимок. Павылэз но ачиз кадь ик кётвеськантэм горд. Мон уг быззы солы. Мон Падей Ивокен шудйсько. Бадзым будй ке, солы бызё.

Тани, ведйн луыса, жазеглы берыктиськи ке, мон со аджонтэм Горд Чимокез чепыльто. Ссс! Карыса, сьöраз бызё. Вот соку черекъялоз! Со ик кулэ солы! Медаз исаськы.

Вуж коркан бадзым жуч сэргын абилэн сандыкез вань. Мар но өвёл со сандык пушкын. Чылкак паймод! Отын вань пöртэм турын выжиос, янчик порма пичи пуйыосын куасьтэм льом, эмезь, куасьтэм турын сяськаос, одйг-кык урдлы, ыжлэн анлыез. Вань тйрлыкэс вераса но уг быдты. Трос абилэн эмъяськон тйрлыкез!

Бадзым будй ке, мынам но сыче сандыке луоз. Аби Оринькаез но эмъя. Огпол, прос коньыгумы сиemenыз, солэн ымдыр пумёсыз ыльзектылызы. Аби сандыкысьтыз анлызэ поттйз но Оринькалэн ымдур пумёсез коня ке пол йöttйз. Эмъякуз ас понназ маке шыпыртйз но мюзэ сязлиз. Оринькалэн ымдур пумёсыз бурмизы.

Кенаклэн вож нуныез вань. Со нунызэ, медаз кынмы шуыса, огпол сэндраын возиз. Нуныезлэсь бамзэ таракангёс сиыса копак яра кариллям. Сое но аби эмяз.

Мон яратйсько абилэсь эмъяськемзэ учкыны. Тужгес ик син эмъямзэ учкыны умой потэ. Аби киаз сакыр люк күтэ но жус вылэ пуксе. Висись муртэ жус вылэ выдтэ но солэсь йырзэ ал вылаз понэ.

Собере аби висисьлэсь синкабаксэ берыктэ но сое каллен сакыр люкен зыра. Сакыр люк нырысь лемлет луэ, утыр вир пычамзэ яркыт-горд луыса кошке.

“Эк, мон но сакырез горд буясал!”, вожъяськисько мон. Ку меда бадžым будо ни? Бадžым будй ке, аби кадь ик, сакырез вирен буяло, аби кадь ик, мукет висёнъёсыз но эмъяло.

Соку монэ но куное отчалозы. Сакырен-чечыен нап чай секталозы.

Аби кемалась кулйз ни. Кемалась мугорыз но музъем пушкын сисьмыса быриз, дыр, ни. Нош пичи дырме тодам вайисько ке, абие, улэп кадь, син азиям пуксе горд зыбынэн, гын катаен.

1956 (Алнаш колхозник, 18.11.1989)

Vanaema (lapsepõlve-mälestused)

Kui ma meenutan lapsepõlve, tuleb mul silme ette vanaema – otsekuu elus. Ta on küürus, kõhn, pika ja kitsa näoga. Talvel kui suvel kannab ta punast vesti ja viiltjalatseid. Tema põllepaelas ripub väike punane pintsett – sellega eemaldab ta kulmukarvu.

Üle päeva eemaldab vanaema kulmukarvu: talvel ahju taga, suvel ukse taga esikus. “Miks sa karvu eemaldad, vanaema?” küsin temalt. “Mul on isu karvu eemaldada,” vastab ta.

Vanaema nuusutab tubakat. Kui ta seda teeb, ta aevastab. Tubakat hoiab ta oma vesti taskus – väikeses piklikus kasetohust karbikeses.

Emal ei armasta vanaema. Emal ei luba tal leiba küpsetada ega süüa teha. “Ma ei usalda teda,” ütleb ta. “Prussakad lähevad toidu sisse, kui ta seda potis keedab, või satuvad taiganasse,” väidab ta. “Ta silmad ei näe hästi. Ja isegi kui ta näeb, teeb ta näo, nagu poleks midagi märganud. Ta ei saa vist arugi, et ma teda põlgan.”

Mina vanaema ei põlga. Ma armastan teda.

Tubaka nuusutamisesest on tema ninasõõrmed rohekassinised. Minu meelest on see armas. Tõsi küll – kui sa kedagi armastad, võib see inimene olla kole, aga sinu silmis on ta ikkagi ilus.

Kui emal ja vanaemal tülitsevad, muutun ma väikese inimesena kurvaks ja tahan nutta. “Kui emal vaid armastaks vanaema nii, nagu mina teda armastan!” mõtlen endamisi.

Vanaemale meeldib külas käia. Teda kutsutakse paljudesse kodudesse, isegi küla teise otsa. Tal on sõpru nii venelaste kui ka tatarlaste seas. Emal ütleb, et vanaema on hulkuja. Et ta on häbematu, et ta ei ole korralik ja käib igal pool.

Kui vanaema on külas, joob ta palju teed – neli-viis tassi.

Tagasi tulles kommenteerib vanaema, kuidas teda vastu võeti: “Oh seda Paraskat küll, ta on ihnusko! Tema tee oli nii nõõ-õ-õrk.” Teinekord jälle kiidab mõnd teist naist: “Oh seda Katjokki, tema on vahva inimene küll, maailmainimene – tema tee oli nii ka-a-ange!”

Vanaema venitas alati vokaale, kui ütles *nõrk* ja *kange*.

Meie majas oli palju lapsi. Tädil oli ainult üks – vastsündinu. Aga emal oli viis last, tüdrukud ja poisid. Mina olin kõige noorem – pesamuna. Sellepärast mind poputati. Poputatud lapsega juhtub igasuguseid asju – küll

sõbrad teevad haiget, küll hani näpistab või läheb pind jalga. Kellele ma sellisel hetkel kurdan? Ikka vanaemale!

Ema ei jõua. Tal pole minu jaoks aega. Ta küpsetab leiba, teeb süüa, toimetab loomadega, jookseb edasi-tagasi õue ja maja vahet – kiire nagu tuulispask. Mind kallistada jõuab ema alles õhtul, kui magama heidab. Päeval olen ma vanaema juures. Ma ei lahku temast sammugi. Kui ta läheb külla, võtab ta mind vahel kaasa. Mulle meeldib tohutult vanaemaga külas käia. Võõrustajad pakuvad meile pelmeene või nisuputru. Kord pakuti meile Paljka Vasja juures isegi teed meega.

Ema ütleb minu kohta: “Sinust saab hulkuja nagu su vanaema.” Selge, olgu nii. Hulkuda on tore.

Ma olen sageli haige: kord on silmad rähmased, kord on mul kärntõbi, või siis ronivad prussakad või lutikad mulle kõrva sisse. Kellele ma siis kurdan? Ikka vanaemale. Tema pakub alati “esmaabi”. Kui lutikas või prussakas kõrva pääseb, hakkab hüplema ja karjuma. Vanaema valab mulle kõrva sisse kanepiõli. Õli sees putukad rabelevad, rabelevad ja siis surevad ära. Pärast ei ole kõrvas enam valus.

Kui silmad on rähmased, ärkan hommikul üles ega saa neid lahti – mäda on nad kinni kleepinud. Kellele ma siis kurdan? Ikka vanaemale. Tema ütleb: “Miks sa nutad? Sa pole ju enam väike! Niisuta silmad oma süljega ja pühi särgiga ära. Siis lähevad nad lahti.” Ma teen, nagu ta ütleb, ja tõepoolest – silmad avanevad.

Sageli tulevad mulle süüdiklestsügelised. Ma kratsin end nõrkemiseni. Isegi ärkan öösel nuttes, sest sõrmed sügelevad ja valutavad. Ma kratsin nii tugevalt, et sõrmede vahele tekivad kublad. Vahel on kublad suured nagu hernerid. Nad on väga valusad. Kelle poole ma siis pöördun? Muidugi jälle vanaema poole. Õhtul, enne magama minekut, paneb vanaema mu sõrmedele taigna ja mähib need puhta kaltsu sisse. Hommikul on kublad lahti läinud ja mul on parem olla.

Mul on sõbranna Orinka. Tema väidab, et mu vanaema on nõid. Ta olevat oma silmaga näinud, kuidas vanaema muutus kanaks ja ronis värava alt tänavale. Siis olevat ta nende õue läinud ja pärast seda nende kanad enam ei mune. Võib-olla ongi ta nõid – ta teab palju ja ravib kõiki haigusid!

Mul on hea meel, et mu vanaema on nõid. Ma kannan pead kõrgel. Mu sõbrannade – Orinka, Verka ja Vara – vanaemad ei ole ju nõiad!

Kui ma suureks kasvan, olen ma samuti nõid. Siis suudan ma muutada kelleks iganes. Muutun siis haneks. Aga pisikesi lapsi ma ei hakka hirmutama aga näpistama.

Agasiiin kandis on üks vihatud inimene – naabrirätsep Punane Tšimok, keda ma ei kannata. Ta pilkab mind: “Selle Oki panen ma mehele Pavõlile – homme teeme pulmad!” Väljakannatamatu! Ja ta ei sure ära ka! Pavõl on samasugune punapea nagu tema. Temale ma naiseks ei lähe. Mina mängin Padei Ivokiga, ja kui suureks saan, abiellun temaga.

Nii et kui ma olen kord nõid ja muutun haneks, näpistan seda vastikut Punast Tšimokit. “Ssss!” ütleb ta, ja mina jooksen talle järele. Kuidas ta küll karjuma hakkab! Paras talle! Ärgu narrigu mind!

Vanas majas, suures ikooninurgas on vanaemal kirst. Mida kõike seal ei leidu! Kukud pikali! Seal on erinevate taimede juuri, kotikesi kuivatatud toominga- ja vaarikamarjade, kuivatatud õitega, üks või kaks ribi ja isegi lamba alalõug. Lõputult kraami. Tal on nii palju ravimisvahendeid! Kui mina suureks kasvan, saab mul ka olema selline kirst.

Vanaema ravib ka Orinkat. Kord sõi Orinka liiga palju aedmoorputke ja tal lõhenesid suunurgad. Vanaema võttis kirstust lamba alalõua, puudutas sellega Orinka huuli, sosistas midagi ja sülitas maha. Orinka suunurgad paranesid.

Tädil on vastsündinud laps. Et laps ei saaks külma, pani tädi ta ahju lavatsile. Aga prussakad sõid lapse näo täitsa punaseks. Vanaema ravis ka tema terveks.

Mulle meeldib vaadata, kuidas vanaema ravib. Eriti siis, kui ta ravib silmi. Ta võtab suhkrutüki kätte ja istub pingi peale. Patsiendi paneb ta pingile lamama ja võtab ta pea sülle. Vanaema keerab patsiendi silmalau lahti ja toetab suhkrutüki õrnalt silma peale. Alguses muutub see roosaks, siis imbib verest läbi ja muutub erkpunaseks.

“Oj, mina tahaksin ka suhkrut punaseks värvida,” kadetsen ma. Mil-lal ma suureks saan? Kui kord kasvan suureks nagu vanaema, värvin ka mina suhkru verega [punaseks] ja ravin inimesi terveks, nagu tema. Siis kutsutakse mindki külla. Ja pakutakse meega teed.

Vanaema on ammu surnud. Ammu on tema keha mullas, võib-olla juba kõdunenud. Aga kui ma lapsepõlve meenutan, näen teda silme ees justkui elus, punase vesti ja viltjalatsitega.

1956 (Алнаш колхозник, 18.11.1989)

Tõlge Eva Toulouze

My granny (childhood memories)

If I remember my childhood, I see, living as in front of my eyes, my granny. She is hunchbacked, parched, with a long narrow face. In winter as in summer, she wears a red vest, and felt boots. At her petticoat string hangs small red tongs, – to depilate her brows.

Every other day, granny depilates her brows: in winter – behind the stove, in summer – behind the door, in the vestibule. “Why do you depilate your brows, Granny?”, I ask her. “I want to”, she answers.

Granny sniffs tobacco. When she does it, she sneezes. She keeps her tobacco in the pocket of her vest a small longish box in birch bark.

Ma mother does not like my granny. She does not allow her to bake bread or to cook. I don't trust her, she says. Cockroaches, she says, come into food sha had boiled in a pan or in the bread yeast. Her eyes, she says, don't see well. And even when she sees, she pretends not to have seen. She does not understand that I despise her, she says.

I don't despise my granny. I love her.

Because she sniffs tobacco, her nostrils are greenish-black, stained. For me, it's cute. True enough, when you love someone, even if this someone is ugly, they seem beautiful to you.

When my mother and my granny quarrel, I, being a little person, get in a foul mood and I want to weep. “If only my mother loved my granny as I do!”, I think deep down.

Granny loves to visit. She is invited in many houses, even at the other end of the village. She has among her friends Russians as well as Tatars. Mother says that Granny is a dawdler. That she is shameless, has no decency, she goes wherever she is called.

When she visits, granny loves to drink much tea – four or five cups.

Back from visiting, she comments upon what she was served: “Oh, this Paraska, she says, she is a cheapskate: her tea was so wea-ea-eak”. At some other moment, she praised some other woman: “Oh, this Katok, she is a great person, a person of the world: her tea was so stro-o-ong!”.

She always lengthened the vowels in weak and strong.

In the house we were many children. My aunt has only one newborn. My mother has five children, girls and boys. Among them I am the youngest – the bottom of the yeast. Therefore, I am spoiled. Anything may

happen to a spoiled child. Either friends hurt her, or the goose pinches, or splinter enters my foot. Whom at such times I complain? To granny!

Mother has no time. Not for me. She bakes bread, she cooks, she looks after the animals, she runs around between the house and the yard. Quickly like a whirlwind. Mother finds time to cuddle me only in the evening, after she lies on her bed. During the day, I am around granny. I don't stray, not even one step. When she goes visiting, she sometimes takes me along. I love going visiting with her. Our hosts offer us pel'men' or wheat porridge. Once Pal'ka Vas'a gave us tea with honey.

Mother says about me: "You shall be a dawdler, like your granny". Well, so be it. It's good to dawdle.

I am often ill: either my eyes suppurate, or furuncles appear, or cockroaches, bedbugs enter my ear. To whom would I complain? To granny. She always provides "first aid". If a bedbug or a cockroach enters my ear, I jump and shout. Granny pours into my ear hemp oil. The bugs in the oil struggle some time and die. Then my ear does not hurt anymore.

When my eye suppurates, I wake in the morning, and am not able to open my eyes, dried pus glues them. To whom would I complain? To granny. She says: "Why do you weep? You are a big girl! You moisten your eyes with your saliva, then, after some time, you clean them with your frock. Then your eyes will open". I follow her advice, and indeed, my eyes open.

I have often scabies. I scratch myself until I weaken. I even wake at night, weeping, for my fingers itch and hurt. I scratch my hands so that between my fingers pus blisters appear. I may have blisters as big as a pea. They hurt a lot. To whom I apply? Again, to granny. In the evening, before bed she covers my fingers in dough and covers them with a clean cloth. In the morning the blister opens, and I feel better.

I have a friend, Orinka. She says that my granny is a witch. She has seen it with her own eyes: "your granny transformed into a hen, passed under the gate into the street". And my granny, she says, entered their yard. Afterwards, according to her words, their hens ceased to lay eggs. She is a witch indeed, I suppose, she knows a lot and is able to cure all diseases!

I rejoice that my granny is a witch. I hold my head high. Indeed, my friends – Orinka, Verka, Vara – have grannies who are not witches.

If I grow, I'll also be a witch. I shall be able to transform in whatever I want. I shall transform into a goose. But I will not frighten the little

ones, I won't pinch them. But the man hated in our neighbourhood, the tailor, red Chimok, I can't stand him, he mocks me: "This Oki, I'll give her in marriage to Pavyl, - he says, - tomorrow, we'll organise the wedding". Hateful man! And he doesn't even manage to die! Pavyl is just like him and his has also a red head. I won't marry him. I play with Padey Ivok, and if I grow up, I'll marry him.

There, being a witch, and transforming into a goose, I will pinch this hated Red Chimol. Sss! He will make and I will run after him. How he shall shout! That's what he needs! He must not mock me.

In the old house, in the icon angle, ma granny has a chest. In this chest there is all you can and cannot imagine. Just incredible! There are different herb's roots, a bag with small cases for dried bird cherries, dried raspberries, dried flowers, one or two ribs, a sheep's jawbone. You would never finish the list of her instruments. She has so many objects for healing!

If I grow up, I shall also have such a chest. Granny cures also Orinka. Once, she had eaten too much parsnip, and the corners of her mouth festered. Granny took from her chest the sheep's jawbone and touched with it Orinka's lips, while she muttered something and spit on the earth. Orinka's mouth corners got better.

My aunt has a newborn child. So that it would not freeze, she put him on the stove. The cockroaches totally ate his face. Granny healed him too.

I like to look how my Granny heals. Especially how she treats the eyes. She takes a bit of sugar in her hand and she sits on a bench. She bides the patient to lie also on the bench, and she puts their head on her lap. Then, she turns their eyelid and slowly passes the bit of sugar on it. First it becomes pink, then it absorbs the blood and becomes intensely red.

"Oh, I would also like to paint the sugar in red!", I am envious. When will I grow up? If I grow up, like my granny, I shall also paint the sugar with blood, and like granny I shall be able to cure also other diseases.

Then I will also be invited. And given tea with honey.

Granny is long dead. Her body had been long in the earth and has probably decayed. But when I rememorate my childhood, I always see my granny, as living, in front of my eyes, with her red vest and her felt boots.

1956 (Алнаш колхозник, 18.11.1989)

Translation Eva Toulouze

Моя бабулечка. Из воспоминаний детства

Когда начинаю вспоминать детство, przede мной, словно живая, предстает моя бабулечка. Она – сгорбленная, бледная, с овальным лицом старая женщина. На ней и зимой и летом красный сюртук без рукавов, на ногах теплые башмаки. На веревке фартука привязаны миниатюрные красные щипцы – ими она выдергивает ресницы.

Бабулечка почти что через день выдергивает ресницы: зимой – за печкой, летом на крылечке. “Бабулечка, почему ты выдергиваешь их?” – спрашиваю и я в ответ слышу: “Выдергивать хочется”.

Моя бабулечка нюхает табак и в это время чихает. Нюхательный табак она держит в маленькой коробочке и носит в кармане сюртука.

Мама не любит бабулечку. Она не разрешает ей ни печь хлеб, ни готовить. Говорит, что брезгует, что как только она сварит что-нибудь – так в котле и квашне – тараканы. Это, мол, от того, что плохо видит, а иногда видит, но прикидывается, что не видела. Твоя бабуленька, мол, чересчур неаккуратный человек.

А я не брезгую ею. Я люблю свою бабулечку.

От нюхательного табака ноздри бабулечки постоянно зелено-вато-черного цвета. Но она мне все равно мила. И правда, если человека любишь, то ничего не замечаешь: он все равно кажется прекрасным.

Если мама и бабулечка ругаются между собой, то у меня, у маленького человека н. Настроение портиться и мне хочется плакать. Я думаю про себя: “Почему мама не любит бабулечку так, как люблю ее я?”

Бабулечке нравится ходить по гостям. До околицы деревня доходит. У нее есть друзья и среди русских, и среди татар. Они постоянно приглашают ее в гости. Мама говорит про бабулечку, что она гуляка и что у нее нет стыда и совести: кто пригласит, никогда никому не откажет.

В гостях бабулечка особенно любит пить чай. Она его пьет аж по четыре-пять чашек.

После гостей, она рассказывает, как ее угощали. “Эта Прасковья точно скупердяйка: напоила меня жи-иденьком чаем”. А в другой

рпаз кого-то, м наоборот, хвалит: “А Катёк – очень щедрый, мировой человек: меня напоила кре-епким чаем!”.

Слова “жидкий” и “крепкий” произносит протяжно.

Мы – многодетная семья. У кенак только одна малютка. А у моей матери нас пятеро. Я из них самая младшая – поскребыш. Поэтому меня обожают, а с таким человеком постоянно что-нибудь да случается: то друзь-я обидят, то гусь ущипнет, то в пятки заноза попадает. И к кому в такой момент обратиться? Конечно, к бабулечке.

Матери некогда. Ей не до меня. Она печет хлеб, готовит еду, ухаживает за животными. И так, изо дня в день: из дома – во двор, со двора – в дом. Ходит быстро, как ураган. Мама успевает меня приласкать только вечером, когда ляжет в постель. Днем я возле бабулечки. Я ни на шаг не отстаю от нее. Иногда она даже берет с собой в гости. Мне нравится ходить с ней. В гостях угощают пельменями или пшенной кашей. А однажды у Палька Васи даже подали чай с медом.

Мама про меня говорит, что я тоже буду гулякой, как бабулечка. Ну и пусть. Мне нравится быть гулякой.

Я частенько болею: то глаза гноятся. То появляется чирей, то в уши залезают тараканы и кхлопы. К кому обратиться? К бабулечке. Она у меня “скорая помощь”. Если в уши залезет таракан или клоп, я говорюскажу и при этом плачукричу. Тогда бабулечка в ухо, вовнутрь, наливает конопляное масло. Таракан или клоп в масле бултыхается-бултыхается и погибает. Тогда ухо перестает болеть.

А если гноятся глаза, то просыпаюсь утром и. я не могу их открыть. Из-за гноя мои ресницы слипаются. К кому обратиться? К бабулечке. Она говорит: “Почему плачешь? Ты уже большая. Намочи глаза слюной и через некоторое время вытри глаза о платье. Тогда глаза откроются.”. Я прислушиваюсь к ее совету, и, правда, все проходит.

Также я часто мучаюсь чесоткой. Просыпаюсь ночами и плачу. Особенно чешется между пальцами рук. Я так сильно чешусь, что появляются гнойные волдыри. Они иногда раздуваются величиной в горох, а иногда с орешек. Гнойные волдыри очень болят. К кому обратиться? Снова к бабулечке. Перед тем как ложиться спать, бабулечка намазывает мои ртуки тестом. А потом наматывает чистой тряпкой. Тогда утром волдыри лопаются и они перестают меаня беспокоить.

Есть у меня подруга Оринька. Она говорит, что моя бабулечка ведьма. И она собственными глазами видела, как однажды бабулечка превратилась в курицы и просунулась под воротами, а после этого, по словам Ориньки, их курицы перестали нести яйца. Наверное, и на самом деле моя бабулечка ведьма: она очень много знает и умеет лечить все болезни!

Я рада, что моя бабулечка – ведьма, поэтому я голову держу высоко. А вот у моих подруг – а у Ориньки, и Верки, и Вариы – бабушки не ведьмы.

Если вырасту, я тоже буду ведьмой. Я тоже смогу превращаться в кого угодно. Например, в гуся. Но малышей трогать не буду. А вот ненавистному соседу, Рыжему Чимоку, я покоя не дам! А то как только видит меня, так сразу начинает дразниться: “Оки, выдам тебя замуж за Павыла, а завтра справим свадьбу!”. Ненавижу! Никак не сдохнет этот Рывый Чимок. И Павеыл, как и он, тоже противный и тоже рыжий. Не выйду я за него. И играю с Палей Ижоком. Вырасту – за него и выйду замуж.

Вот превращусь в гуся и буду щипать Рыжего Чимока. “С-с-с!” – так я буду за ним гнаться. Ах. Как тогда будет кричать! Так ему и надо! Впредь не будет обзываться!

В старом доме, в углу, рядом с большой скамьей, у бабулечки стоит сундук. Ой, чего только там нет! Удивисься! Там есть корни различных трав, и маленьких кисетах, похожих на кошельки, засушенные черемуха, малина, цветы, даже имеются несколько ребер какого-то животного и овечья челюсть. У бабулечки много лечебных предметов и лекарств! Все не перечислить! Если я вырасту, у меня тоже будет такой сундук.

Между прочим, бабулечка и Ориньку лечит. Однажды она съела много дикого пастернака и концы ее губ сопрели. Тогда бабулечка достала из сундука овечью челюсть, и несколько раз дотронулась и, до ее губ. При этом бабулечка про себя что-то прошептала о плюнула на пол. Оринькины губы вылечились.

У кенака есть новорожденный ребенок. Чтоб малыш не простыл, она держала его в покатах, Тараканыя обкусали личико малютки. Бабулечка и им помогла.

Мне нравится глядеть на то, как бабулечка лечит. Особенно нравится смотреть, как лечит глаза: берет кусок сахара и садится на скамейку. Больного тоже укладывает на скамейку, а его голову кладет на свои колени. Потом бабулечка поворачивает веко больного и остороженько трет глаза этим куском. Сначала кусок сахара становится розоватым. А потом – красным.

“Эх. Я тоже хочу покрасить сахар в красный цвет!” – завидую я. Когда же я, наконец, вырасту? Вот вырасту большая, тогда я, как и бабулечка, сахар накрашу кровью и буду лечить от всех болезней. И Да меня тоже будут приглашать в гости и поить крепким чаем, да и к тому же с сахаром и медом.

Время идет. Бабулечка уже давно умерла. Наверное, ее тело давным-давно сгнило в земле, но если вспоминаю сдвое детство, то непременно представляю перед глазами свою бабулечку. Она, как живая, стоит перед моими глазами в красном сюртуке да и зимних башмаках.

1956 (Алнаш колхозник, 18.11.1989)

Перевод Лидия Нянькина

Allikad / Sources / Источники

- Ашальчи Оли – Та буртчин чуръёсыд, Эти шёлковые строчки. Человек, писатель, время. Сост. М. Петрова и Л.Нянькина, Ижевск: Удмуртия 2011.
- Asalcsi Oki. Miért hallgat az udmurt nő? = Малы шып үлэ удмурт нылкышно? Szerkeszti Pusztay János. Szombathely, 2004.
- Ašaltši Oki. Mu kullerkupud. Tõlkinud Arvo Valton. Tallinn: Kirjastuskeskus, 2005.
- Ашальчи Оки. Гõгрõс кыздзпу. – Коми гижõд: Онлайн небõгаин; www.komikyv.org/kpv/node/29476 (vaadatud 05.08.2025).
- Ашальчи Оки. Стихи “У дороги – Сюрес дурын”. – IZarticle; https://www.iz-article.ru/ash_u_dor_7.php (vaadatud 05.08.2025)
- Ашальчи Оки. Чыртывесь = Ожерелье: Кылбуръёс. Стихи. Составление и вступительная статья А. Ермолаева. Ижевск: Удмуртия, 1998.
- Стихи удмуртских поэтов. Ижевск, 1957.
- Suuren Guslin kaiku. Udmurttilaista taidelyriikkaa (Castrenianumin toimitteita 48). Valikoanut ja suomentanut Raija Bartens. Helsinki, 1995.
- Kuznetsov, N. S. 1994. Кузнецов, Николай Спиридонович. Из мрака [‘From the darkness’], Ижевск Изд-во Удм. ун-та.
- Tatjana Vladykina, “Les sources de l’œuvre poétique d’Ašalči: les traditions orales oudmourtes”, Études finno-ougriennes [En ligne], 49-50 | 2018, mis en ligne le 19 février 2019, consulté le 26 mars 2025. URL: <http://journals.openedition.org/efo/9115>; DOI: <https://doi.org/10.4000/efo.9115> (Originaal: Фольклорные истоки творчества Ашальчи Оки, efo_49_50_vladykina_vo.pdf.)

Pildiallikad / Photograph sources / Источники фотографий

- Leheküljed/pages/страницы 5 & 7 – <https://udm.travel/people/pisateli-i-poety/akilina-grigorevna-vekshina-ashalchi-oki/> (люди)
- Lehekülg/page/страница 9 – <https://iz-article.ru/article/904/ashalchi-oki>
- Lehekülg/page/страница 160 – <https://pres.udmkyl.ru/docs/026/index.html>

Sisukord / Contents / Оглавление

Eessõna	5
Preface	7
Предисловие	9
I Ašaltši Oki elu ja looming	11
Ashal'chi Oki's life and poetry	14
Жизнь и творчество Ашалъчи Оки	17
II Ašaltši Oki tähtsus udmurdi kultuuris	20
Ashal'chi Oki's importance for Udmurt culture	22
Значение Ашалъчи Оки для удмуртской культуры	24
III "Maantee ääres": kommentaar ja tõlked	26
"Nearby the road": Comment of the poem	28
"У дороги": комментарии к стихотворению	31
IV "Maantee ääres": tõlked erinevatesse keeltesse	36
"Nearby the road": Translations into different languages	38
"У дороги": переводы на разные языки	40
V "Maantee ääres" rahvaluules ja lauludes	74
"Nearby the road" in folklore: Poems and songs	74
"У дороги" в фольклоре: стихи и песни	75
VI Mõned teised luuletused ja nende tõlked	103
Other poems by Ashal'chi Oki: Translations and songs	105
Другие стихотворения Ашалъчи Оки: переводы и песни	107
VII Ašaltši Oki: mälestused / Ashal'chi Oki: Memories / Ашалъчи Оки: воспоминания	
<i>Мынам абие (пичи дырез тодэ ваён)</i>	144
<i>Vanaema (lapsepõlve-mälestused)</i>	148
<i>My granny (childhood memories)</i>	151
<i>Моя бабулечка. Из воспоминаний детства</i>	154
Allikad / Sources / Источники	158
Pildiallikad / Photograph sources / Источники фотографий	158



14 SUKK